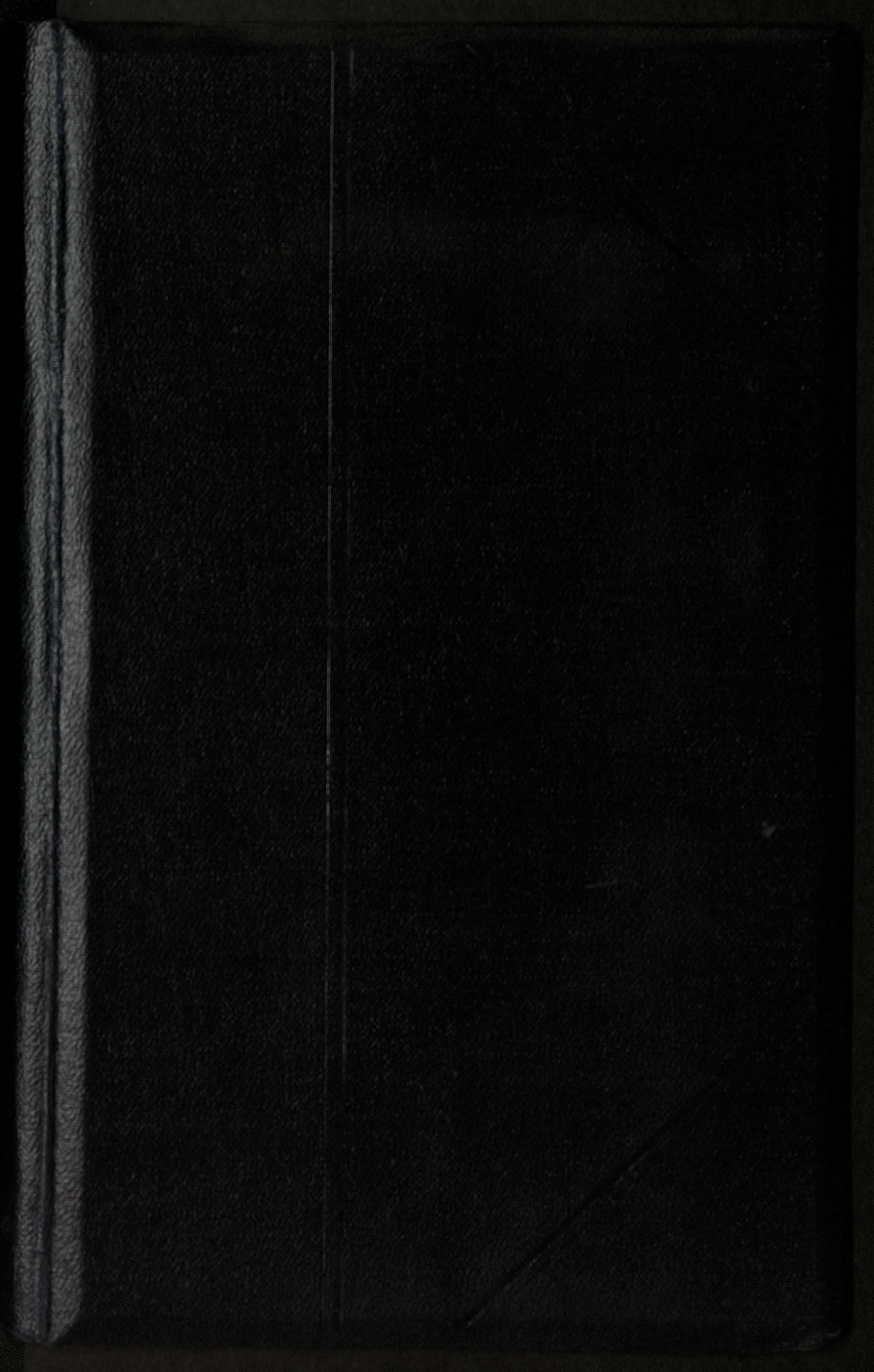
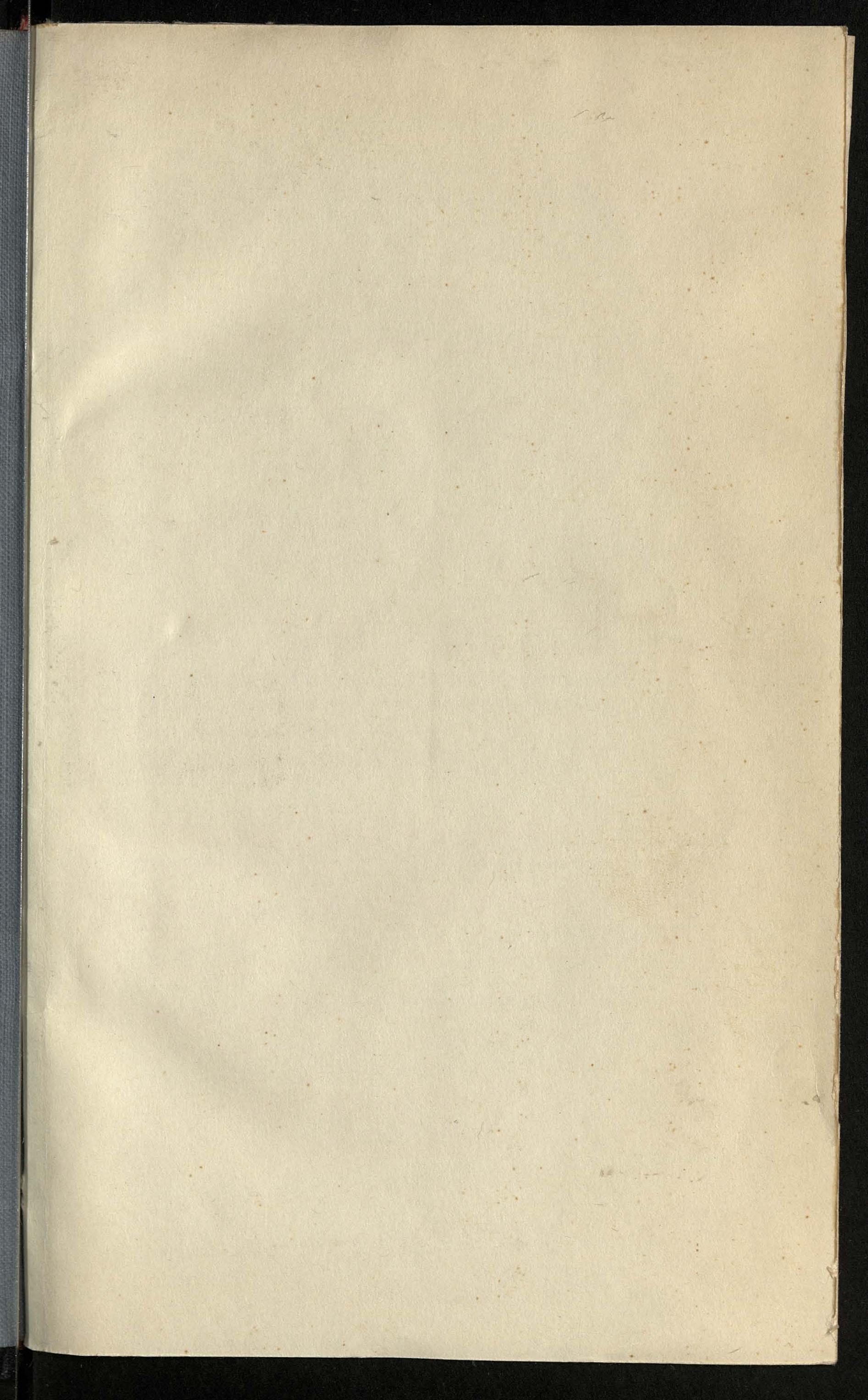

ИСТОРІЯ АБДЕРИТОВЪ,

Сочиненная

ВИЛАНДОМЪ.

ЧАСТЬ II,

Четвертую, пятую Книгу и ключь къ Исторіи Абдеритовъ въ себѣ содержащая.

Переведена съ Нѣмецкаго

М. Г.

МОСКВА, 1795.

ВЪ Университетской Типографіи.

У Ридигера и Клаудія.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Исторія Абдеритовъ, Часть II, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,*

Андрей Брянцевъ.

АБДЕРИТЫ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ;

или

ТЯЖБА ОБЪ ОСЛИНОЙ ТѢНИ.

ГЛАВА I.

Поводъ къ тяжбѣ, со всѣми ея обстоятельствами.

Казалось, что *роковое время* города Абдеры наконецъ наступило. Едва жители онаго нѣсколько оправились отъ чудной горячки театральной, которую доброй и невинной Эврипидъ нанесъ на нихъ властителемъ боговъ и людей Купидономъ, едва граждане стали опять

говоришь прозою между собою на улицахЪ; едва продавцы зелїй начали опять сбывать сЪ рукЪ чихательной корень или чемерицу, и ковачи работать свои орудїя; едва Абдеритянки присѣли опять тщательно за пурпуровыя свои ткани, и Абдериты переставЪ мурлычать свои пѣсни и наигрывать ихЪ на своихЪ инструментахЪ, принялись за разныя должности свои сЪ обыкновеннымЪ своимЪ здравымЪ разсудкомЪ: какЪ богини судьбы, втайнѣ, изЪ самой пустой, тонкостїю мглѣ и легкостїю вѣтру подобной матерїи, которая когда либо составлена была богами или людьми, произвели такое сплетенїе хлопотЪ, ссорЪ, досадЪ, навѣтовЪ, козней, заговоровЪ и другихЪ неустройствЪ, что

наконецъ вся Абдера ими, какъ бы тенетами опутана и обвита была, и какъ оное горючее вещество отъ безразсудной запальчивости помощниковъ и ихъ сотрудниковъ вспыхнуло, то сей славной городъ почти, а можетъ быть и совсѣмъ, разорился бы отъ того до основанія, естьлибъ онъ, по опредѣленію судьбы, долженствовалъ истребленъ быть отъ маловажнѣйшей причины, нежели — отъ *лягушекъ* и *крысъ*.

Сіе дѣло (такъ какъ всѣ великія въ свѣтѣ происшествія) началось отъ весьма малозначущей причины. Нѣкоторой зубной лѣкарь, по прозванью Струтіонъ, родомъ изъ Мегары, поселился уже съ нѣсколькихъ лѣтъ въ Абдерѣ; и какъ онъ можетъ быть во всей землѣ

былъ одинъ ремесла своего мастеръ, то практика его простиралась по обширной части полуденной Ѳракіи. Онъ собиралъ съ ней оброкъ обыкновенно такимъ образомъ, что объѣзжалъ ярманки всѣхъ малыхъ городовъ и мѣстечекъ болѣе, нежели на тритцать миль въ окружности, гдѣ кромѣ зубнаго своего порошку и полосканья, кстати продавалъ и разныя *неизвѣстныя лѣкарства* отъ селезеночныхъ и маточныхъ припадковъ, удушья, грыжи и проч. съ нарочитымъ успѣхомъ. На сей конецъ держалъ онъ у себя въ конюшнѣ собственную ослицу, которую при такихъ обстоятельствахъ навьючивалъ своею малорослою, но дородною особою, и огромнымъ чемоданомъ, наполненнымъ лѣкарства-

ми, дорожнымъ запасомъ и нужною поклажею. Случилось однажды, что когда онъ намѣревался посѣтить ярманку въ *Герании*, то ослица его на канунѣ предъ тѣмъ разрѣшилась отъ бремени, и по тому не въ состоянiи была ему сопутствовать. И такъ Струтiонъ нанялъ другаго осла до того мѣста, гдѣ онъ хотѣлъ стать на первой свой ночлегъ; хозяинъ же провожалъ его пѣшкомъ, дабы о тяглой скотинѣ имѣть попеченiе и на ней верхомъ возвратиться домой. Дорога шла по пространному полю. Среди лѣта былъ тогда день чрезвычайно жаркой. Лѣкарь, которой началъ выходить изъ терпѣнiя, осматривался въ разслабленiи вокругъ себя, не найдетъ ли холодку, гдѣ бы на минуту

могЪ слѣзть, и сколько нибудь напитаться свѣжимЪ воздухомЪ. Но во всей той сторонѣ не было ни дерева, ни кустарника, ниже другаго какого тѣнь отбрасывающаго мѣста. НаконецЪ выбившись изЪ мочи, и не зная, чѣмЪ пособить себѣ, онЪ остановился, слѣзЪ сЪ осла и сѣлЪ подЪ его тѣнь.

Что вы дѣлаете, государь мой! сказалЪ погонщикЪ; что это значитЪ? —

Я хочу не много отдохнуть подЪ тѣнью, отвѣчалЪ СтрутіонЪ, потому что солнце безЪ милосердія печетЪ мою голову.

НѣтЪ, честной мой господинЪ, продолжалЪ другой, такого уговору между нами не было! Я отдалЪ вамЪ вЪ наемЪ

осла, а объ тѣни не упомянуто было при томъ ни слова.

Да вить разумѣется, сказалъ лѣкарь смѣючись, что тѣнь слѣдуетъ за осломъ.

Нѣтъ, клянусь Язономъ! что это не разумѣется, вскричалъ погонщикъ весьма сурово; иное оселъ, а иное тѣнь его. Вы наняли у меня осла за столько-то. Естьлибъ вы захотѣли при томъ нанять и тѣнь, тобъ вы должны были выговорить. Словомъ, государь мой, встаньте, и продолжайте свой путь, или заплатите мнѣ за тѣнь осла, сколько надлежитъ.

Какъ, возопилъ лѣкарь, я заплатилъ за осла, и долженъ теперь еще платить за его тѣнь? Назови меня самого сущимъ осломъ, естьли я это сдѣлаю! Оселъ на весь этотъ

денъ мой, и я подъ тѣнь его буду садиться, когда мнѣ будетъ угодно, и сидѣть подъ нею до тѣхъ поръ, пока мнѣ за благо разсудится: въ этомъ будь увѣренъ!

Въ правду ли вы такъ думаете? спросилъ другой со всею хладнокровностїю Ѳракїйскаго ословъ погонщика.

Безо всякихъ шутокъ, отвѣчалъ Струтїонъ.

Такъ изволь, государь мой, теперь же возвратиться въ Абдеру къ начальству, сказалъ первой; тогда посмотримъ, кто изъ насъ обоихъ удержитъ за собою право. Доколѣ Прїапъ ко мнѣ и къ ослу моему милостивъ, я посмотрю, кто завладѣетъ тѣнью моего осла противъ моей воли!

Лѣкарь возымѣлъ охоту, погонщика проучить крѣпостїю своей мышцы. Уже навострилъ онъ свой кулакъ, уже замахнулся короткою своею рукою; но разсматривая пристальнѣе своего сопутника, нашелъ за лучшее — мало по малу опустить ее опять, и еще попытаться, не уговоритъ ли его ласковыми словами. Но онъ истощилъ все свое краснорѣчїе напрасно. Грубїянъ настоялъ въ томъ, чтобъ ему за тѣнь осла его заплачено было; и какъ Струтїонъ съ такимъ же упорствомъ отъ того отрекался; то напослѣдокъ не оставалось другаго средства, какъ возвратиться въ Абдеру, и все дѣло отдать городовому судьѣ на разсмотрѣнїе.

ГЛАВА II.

Производство дѣла у городоваго судьи Филиппида.

Городовой судья *Филиппидъ*, которому всѣ тяжбы сего рода на первой случай представляемы быть долженствовали, былъ всѣми хорошими качествами одаренной, честной, трезвой и рачительной въ своей должности человѣкъ, которой каждаго слушалъ съ великимъ терпѣніемъ, каждому дѣлалъ снисходительное рѣшеніе, и вообще слылъ не лакомымъ до взятковъ.

Сверхъ того онъ былъ хорошій музыкантъ, сочинилъ нѣсколько театральныхъ піесъ, кои, по обычаю города, *весьма нравились*, и почти удостовѣренъ былъ, что какъ скоро

опростается мѣсто *Номофилакса*, поступитъ онъ въ сію степень.

При всѣхъ таковыхъ совершенствахъ Филиппидъ имѣлъ токмо одинъ малой недостатокъ, состоявшій въ томъ, что, когда двое являлись къ нему съ жалобами, то всегда у него удерживалъ право тотъ, кто говорилъ напослѣдокъ. Абдериты не такъ были глупы, чтобъ того не примѣтили; но они думали, что судью, имѣющаго много хорошихъ качествъ, въ *единой погрѣшности* легко извинить можно. – Между тѣмъ обстоятельство, что оному честному человѣку казалось, будто бы обѣ стороны удерживали право, сопровождалось естественно тѣмъ слѣдствіемъ, что онъ ни о чемъ болѣе

не старался, какъ тяжбы, ему предлагаемыя, разбирать миролюбно; и таковой совѣстной судъ Филиппидовъ былъ бы истиннымъ щастіемъ для Абдеры, естьлибъ бдительность стряпчихъ или крючкотворцевъ, коимъ отъ его миролюбія мало барыша было, не изобрѣтала средствъ къ учиненію онаго суда почти во всякихъ случаяхъ безплоднымъ.

И такъ *зубной лѣкарь Струтіонъ* и *погонщикъ ословъ Антраксъ* прибѣжали въ попыхахъ къ сему достойному городовому судьѣ, и приносили оба вмѣстѣ съ великимъ крикомъ свою жалобу. Онъ слушалъ ихъ съ обыкновенною кротостію; и какъ они наконецъ перестали кричать, или, лучше сказать, осипли отъ крику, то онъ по-

жалъ плечами, и тяжба показалась ему одна изъ запутаннѣйшихъ, каковыя когда либо ему предлагаемы были. Да кто изъ васъ обоихъ собственно доноситель, спросилъ онъ?

Я обвиняю погонщика, отвѣтствовалъ Струтіонъ, въ томъ, что онъ нарушилъ сдѣланной мною съ нимъ договоръ.

А я, сказалъ погонщикъ, обвиняю лѣкаря, что онъ безденежно присвоилъ себѣ такую вещь, которой я не отдавалъ ему въ наемъ.

Вотъ два доносителя вмѣстѣ, продолжалъ городовой судья; да гдѣжъ обвиняемой? Странная тяжба! раскажите ка мнѣ это дѣло еще разъ со всѣми обстоятельствами — только одинъ за другимъ — а то

не можно ничего выразумѣть, когда вы оба вдругъ закричите.

Высокопочтенной городовой судья, сказалъ лѣкарь, я нанялъ осла для употребленія своего на день. Безспорно, что о тѣни его не было при томъ упомянуто. Но кто слыхалъ когда нибудь, чтобъ при такомъ наймѣ включаема была оговорка въ разсужденіи тѣни? Клянусь Геркулесомъ, что это не первой оселъ, котораго въ Абдерѣ нанимаютъ.

Ты правду говоришь, сказалъ судья.

Оселъ и тѣнь его слѣдуетъ другъ за другомъ (продолжалъ Струтіонъ); для чегожъ бы тотъ, кто наналъ самого осла, не могъ пользоваться и его тѣнью?

Тѣнь есть неотъемлемая принадлежность, это ясно, отвѣчалъ Филиппидъ.

Безпристрастный судья, вскричалъ погонщикъ, хотя я человѣкъ безграмотной, и не разумѣю ничего вашихъ арій, или какъ ихъ назвать орій. Однакожъ всѣ мои четыре чувства увѣряютъ меня, что я не обязанъ осла своего напрасно останавливать на солнцѣ, дабы другой садился подъ его тѣнь. Я отдалъ въ наемъ сему Господину *осла*, и онъ заплатилъ мнѣ половину договорной суммы впередъ; въ томъ я признаюсь. Но иное оселъ, а иное *тѣнь* его.

И это правда, проворчалъ городовой судья.

Естьли онъ хочетъ ею пользоваться, такъ пусть запла-

шитЪ мнѣ за нее половину противЪ того, сколько за самого осла; ибо я ничего не требую, кромѣ того, что надлежитЪ, и прошу пособить мнѣ удержать мое право.

Лучше всего будетЪ, сказалЪ наконецЪ ФилиппидЪ, когда вы раздѣлаетесь между собою полюбовно. Ты, доброй человѣкЪ, отдавай впредь вЪ наймы вмѣстѣ и тѣнь ослову, потому что она только тѣнь; а ты, Г. СтрутїонЪ, заплати ему за нее половину драхмы: такЪ вы оба можете быть довольными.

Не дамЪ ни синяго пороху, вскричалЪ лѣкарь; я требую моего права.

А я, вскричалЪ его соперникЪ, настою упорно вЪ своемЪ. Когда оселЪ мой, то и

тѣнь моя, и я могу ею, какъ моею собственностїю, располагать по своей волѣ; и поелику мой ѣздокъ ничего не хочетъ слышать о правѣ и справедливости: то я требую теперь вдвое, и посмотрю, естьли еще правосудїе въ Абдерѣ.

Судья пришелъ въ крайнее недоумѣнїе. Да гдѣ оселъ, спросилъ онъ наконецъ, когда въ замѣшательствѣ ничего инаго ему на умъ не вспало, дабы между тѣмъ сколько нибудь собраться съ духомъ.

Онъ стоитъ на улицѣ предъ воротами.

Введитежъ его на дворъ, сказалъ Филиппидъ.

Хозяинъ повиновался съ радостїю; ибо онъ почиталъ то за хорошїй знакъ, что судья хочетъ видѣть главное въ пред-

ставленіи дѣйствующее лицо. Оселъ былъ подведенъ. Жаль, что и онъ не могъ о завязчивомъ дѣлѣ сообщить своего мнѣнія! но стоялъ весьма спокойно, и приподнявъ длинныя свои уши, поглядѣлъ сперва на почтенныхъ особъ, по томъ на своего хозяина, поворотилъ рыломъ, опустилъ опять уши, и — не промолвилъ ни одного словечка.

Вотъ посмотрите сами, милостивой Государь, вскричалъ Антраксъ, не стоитъ ли цѣнь такого красиваго и статнаго собою осла двухъ драхмъ между нашимъ братомъ, особливо въ такой жаркой день, какъ нынѣшній.

Городовой судья прибѣгнулъ еще разъ къ миролюбнымъ средствамъ, и обѣ стороны нача-

ли было уже одна другой поддаваться: какъ, по нещастію, *Физигнатъ* и *Полифонъ*, двое коренныхъ стряпчихъ и сутягъ въ Абдерѣ, туда подоспѣли, и услышавъ, о чемъ идетъ рѣчь, оное дѣло вдругъ перевернули иначе. Г. Струтіонъ совершенно имѣетъ право на своей сторонѣ, сказалъ *Физигнатъ*, которой зубнаго лѣкаря почиталъ достаточнымъ и притомъ весьма запальчивымъ и упрямымъ человѣкомъ. Другой стряпчій, нѣсколько досадуя, что товарищъ въ его ремеслѣ, столь торопливо предупредилъ его, бросилъ косой взглядъ на осла, которой ему показался взрачною и хорошо откормленною скотинкою, объявилъ себя тотчасъ въ величайшею важностію въ пользу погонщика. Тогда обѣ

партіи не хотѣли уже ни слова слышать о примиреніи, и доброй Филиппидъ увидѣлъ себя принужденнымъ назначить день суда. Послѣ чего каждой съ своимъ стряпчимъ отправился домой; а оселъ, съ своею тѣнію, какъ предметомъ тяжбы, отведенъ былъ до рѣшенія дѣла въ общественную конюшню города Абдеры.

ГЛАВА III.

Обѣ стороны домогаются вышшаго покровительства.

По городовому праву Абдеритовъ всѣ о собственности между гражданами происходившіе споры рѣшены были судомъ, состоящимъ изъ дватцати почетныхъ мужей, кои еженедѣль-

но собирались по три раза въ преддверіи храма Немезисова. По справедливому попеченію о томъ, чтобъ стряпчіе имѣли пропитаніе, трактовано было въ ономъ судѣ обо всемъ *письменно*; и какъ ходъ Абдеритскаго судопроизводства описывалъ нѣкоторой родъ улитковой линеи, да и продолжался съ улитковою же скоростію; а особливо когда стряпчіе не прежде обязаны были оканчивать проволочки свои, пока имъ ничего уже болѣе говорить не оставалось: то письменные отзывы къ суду тянулись обыкновенно до тѣхъ поръ, пока пожитки противныхъ сторонъ вѣроятно выдержать могли. Однако на сей разъ стеклось столь много особенныхъ причинъ, побудившихъ къ скорѣйшему вер-

шенїю дѣла, что нечему удивляться, когда тяжба объ ослиной тѣни, менѣе нежели въ четыре мѣсяца доведена была уже до того, что въ ближайшiй присудственный день конечному приговору послѣдовать надлежало.

Тяжба объ ослиной тѣни безъ сомнѣнїя въ каждомъ другомъ городѣ свѣта надѣлала бы много шуму. И такъ всякъ подумай, сколько она должна была надѣлать его въ *Абдерѣ*? Едва промчался о томъ слухъ, какъ всѣ другїе предметы разговоровъ въ компанїяхъ прїутихли, и каждой съ *толикимъ участвованїемъ* говорилъ о тяжбѣ, какъ будто бы онъ притомъ много теряетъ или выигрываетъ. Одни объявили себя въ пользу лѣкаря, а другїе въ

пользу погонщика. Даже самой оселъ имѣлъ своихъ прїятелей, кои были того мнѣнїя, что онъ имѣетъ совершенное право быть *включеннымъ въ число просителей*, поелику онъ требованїемъ, чтобъ лѣкарь сидѣлъ подъ его тѣнїю, а самъ бы онъ между тѣмъ стоялъ подъ палящимъ лучами своими солнцемъ, явно разобиженъ до крайности. Однимъ словомъ, помянутой оселъ простеръ тѣнь свою на всю Абдеру, и дѣло о немъ производилось съ такою живостїю, ревностїю и съ соучаствованїемъ, какїя едва либо могли обнаружиться болѣе, естьлибъ и благо цѣлой республики подвержено было опасности.

А хотя таковой поступокъ вообще никому, кто по предъидущей истинной картинѣ по-

знакомился съ Абдеритами, не покажется чуднымъ. Однакожъ мы думаемъ, что тѣмъ читателямъ, кои по мнѣнію ихъ тогда только исторію прямо знаютъ, когда открыто имъ дѣйствіе колесъ и пружинъ съ цѣлою связію причинъ и послѣдствій какого либо приключенія — окажемъ не непріятную услугу, когда имъ нѣсколько обстоятельнѣе сообщимъ, какимъ образомъ произошло то, что оная тяжба — которая въ началѣ своемъ велась токмо между малозначущими людьми, и при томъ о пустомъ предметѣ — могла сдѣлаться столько важною, что напослѣдокъ всѣмъ жителямъ республики вскружила головы и вовлекла ихъ въ свою пучину.

Все гражданство въ Абдерѣ (такъ какъ искони большая

часть городовъ въ свѣтѣ) раздѣлено было на цехи, и въ силу древняго устава зубной лѣкарь Струтіонъ принадлежалъ въ *цехъ сапожничій*. Причина тому, подобно всѣмъ причинамъ между Абдеритами, была весьма остроумная, а именно: въ первыхъ временахъ республики сей цехъ заключалъ въ себѣ единственно сапожниковъ, башмашниковъ и тѣхъ немудрыхъ мастеровъ, кои занимаются токмо починкою обуви. Послѣжъ того *починивальщики* всякаго разбору присоединены были къ оному, и такимъ образомъ произошло, что въ продолженіи времени лѣкари наружныхъ ранъ, такъ какъ *починивальщики человѣческаго тѣла*, и слѣдственно (ob paritatem rationis) всѣ роды лѣкарей пріобщены были къ

помянутому цеху. Почему Струтіонъ (выключая тѣхъ врачей, съ коими онъ не въ хорошемъ согласіи находился) имѣлъ на своей сторонѣ всѣхъ башмашниковъ, кои, какъ далѣе упомянуто будетъ, составляли весьма знатную часть гражданства Абдерскаго. И такъ натурально зубной лѣкарь прежде всѣхъ явился тотчасъ къ своему старшинѣ, цеховому мастеру *Пфриму*; а сей человѣкъ, котораго патріотическое рвеніе къ постановленію республики уже никому не безъизвѣстно, отозвался тотчасъ съ обыкновеннымъ своимъ жаромъ: что онъ прежде заколетъ себя собственнымъ своимъ сапожничьимъ шиломъ, нежели допуститъ, чтобъ права и вольности Абдеры толь грубо нарушены были въ лицѣ

кого либо изъ цеховыхъ его сотоварищей.

„*Справедливость*, говорилъ онъ, *есть высочайшее право*. Но что можетъ быть справедливѣе, когда тотъ, кто насадилъ дерево, хотя при томъ собственно о плодахъ думано было, въ добавокъ пользуется и его тѣнью? И для чегожъ того, что можно сказать о деревѣ, не льзя *также* принаровить и къ ослу? Куда мы, къ чорту, дѣнемся съ *нашею свободою*, когда цеховому гражданину въ Абдерѣ не будетъ уже воли, садиться подъ тѣнь какого нибудь осла? Какъ будто бы тѣнь ослиная была знатнѣе тѣни ратуши или Язонова храма, въ которую стать, сѣсть и лечь можетъ всякъ, кому угодно. Тѣнь есть не иное что, какъ

тѣнь; отъ дерева ли она происходитъ, или отъ статуи; отъ осла, или самого высокодостойнаго Архонта! Однимъ словомъ, примолвилъ мастеръ Пфримъ, положись на меня, Г. Струтіонъ; грубіянъ не только тебѣ уступитъ тѣнь, но и для надлежащей тебѣ саксфаціи еще осла въ прибавокъ, или развѣ не будетъ уже ни свободы, ни собственности болѣе въ Абдерѣ; и я прозакладываю свою голову, что до того не дойдетъ, пока я слыву цеховымъ мастеромъ Пфримомъ!„

Между тѣмъ, какъ лѣкарь обнадеженъ былъ симъ толь важнымъ человѣкомъ въ его защитѣ, не пропустилъ съ своей стороны и погонщикъ Антраксъ, постараться о пріисканіи себѣ покровителя, которой бы съ

онымъ мастеромъ по крайней мѣрѣ находился въ равновѣсіи. Антраксъ не былъ собственно гражданиномъ Абдерскимъ, но токмо отпущеннымъ на волю, которой жительство имѣлъ въ округѣ Язонова храма; и какъ защищенный пришлецъ онаго состоялъ подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ первостоятеля при храмѣ сего *Героя*, которому, какъ извѣстно, въ Абдерѣ воздавались Божескія почести. И такъ естественно первая мысль его устремлена была на то, какимъ бы образомъ добиться, чтобъ главной настоятель *Агатирсъ* вступился за него со всею важностію. Но какъ настоятель Язонова храма былъ въ Абдерѣ весьма знаменитая особа, то погонщикъ ословъ едва могъ надѣяться, безъ особливыхъ спо-

собовъ получить къ нему доступъ.

По многихъ совѣтованіяхъ съ его искреннѣйшими друзьями выбрана наконецъ слѣдующая дорога. Жена его, Кробила, была знакома съ одною чепешницею, которой братъ былъ покровительствуемымъ любовникомъ служанки нѣкоторой Милезской танцовщицы, которая, такъ какъ слухъ носился, находилась у настоятеля въ великой милости. Не для того, что будто бы онъ — такъ какъ обыкновенно случается — особливо по тому, что жрецы Язоновы долженствовали быть безбрачными — словомъ, какъ свѣтъ подозрителенъ, то конечно говорили всякую всячину — истинное же обстоятельство было вотъ какое: настоятель

Агатирсъ былъ великой охотникъ до пантомимныхъ солотанцовъ; и какъ онъ танцовщицу, для избѣжанія соблазна, не хотѣлъ принимать у себя днемъ: то не оставалось ему ничего другаго, какъ съ потребною осторожностію впускать ее въ свой кабинетъ ночью чрезъ маленькую садовую калитку. Поелику же однажды нѣкоторыми людьми примѣчено, что одна подъ опущеннымъ покрываломъ особа на разсвѣтѣ опять вышла чрезъ оную: то пронеслась молва, что будто бы то была танцовщица, и будто бы настоятель велъ отмѣнную дружбу съ сею молодою особою; которая въ самомъ дѣлѣ была бы способна, въ каждомъ другомъ, кромѣ настоятеля, возбудить еще что нибудь болѣе. — Но

какъ бы то ни было, довольно, что погонщикъ говорилъ съ *своею женою*, жена его Кробила съ *чепешницею*, чепешница съ *своимъ братомъ*, братъ ея съ *служанкою*, и какъ оная служанка изъ танцовщицы дѣлала все, что хотѣла, о которой предполагать надлежало, что она дѣлала все изъ настоятеля, которой дѣлалъ все изъ *Вельможъ Абдерскихъ* и — *ихъ женъ*: то Антраксъ не сомнѣвался ни на минуту, что прозьбу свою отдалъ въ самыя лучшія руки.

Но по нещастію оказалось, что наперсница танцовщицына положила обѣщаніе, посужаться неограниченною властію своею безъ денегъ столь же мало, какъ и Антраксъ тѣнію своего осла. Она опредѣлила нѣкоторой родъ таксы, или оцѣнки, по

которой за малѣйшую услугу, отъ нея требуемую, предполагалась благодарность по крайней мѣрѣ въ четыре драхмы; въ настоящемъ же случаѣ можно было ожидать отъ нее тѣмъ менѣе, чтобъ она хотя половину драхмы спустила, поелику она съ великимъ насилїемъ своей стыдливости долженствовала рекомендовать такое дѣло, въ которомъ оселъ представляетъ главную ролю. Кратко сказать, Ирисъ настояла на четыре драхмы, а сїе было уже вдвое больше противъ того, сколько бы бѣднякъ, въ самомъ щастливомъ случаѣ, выигралъ своею тяжбою. И такъ онъ увидѣлъ себя опять въ прежнемъ замѣшательствѣ. Ибо, какъ могъ толь низкой ословъ погонщикъ надѣяться, что онъ безъ силь-

нѣйшей подпоры, нежели каковою была справедливость его дѣла, устоитъ противъ такого соперника, которой подкрѣпляемъ былъ всѣмъ цехомъ, и вездѣ хвалился, что онъ уже одержалъ побѣду?

Наконецъ доброй Антраксъ вздумалъ способъ, какъ бы настоятеля безъ ходатайства танцовщицы и ея служанки склонить на свою сторону. Лучше всего казалось ему, не входить въ околичности. Безъ дальнихъ обиняковъ — онъ имѣлъ дочь, по имени *Горго*, которая, въ надеждѣ тѣмъ или другимъ образомъ добиться на театрѣ, научилась весьма изрядно пѣть и играть на цитрѣ. Сїя дѣвочка была не изъ самыхъ лучшихъ красавицъ. Но гибкой станъ, черные большїе

глаза и свѣжій цвѣтъ юности замѣняли, по его мнѣнію, съ избыткомъ то, чего не доставало въ ея лицѣ; и дѣйствительно, когда она умывалась хорошенько, то въ праздничномъ своемъ уборѣ, съ длинными своими черными косами, и съ пучкомъ цвѣтовъ на грудяхъ, походила нарочито на *дикую Ѳракійскую дѣвушку Анакреонтову.* А какъ по ближайшемъ освѣдомленіи нашлось, что настоятель Агатирсъ былъ охотникъ и до игры на цитрѣ, равно какъ и до малыхъ пѣсенокъ, которыхъ премножество молодая Горго умѣла пѣть не худо: то Антраксъ и Кробила весьма надѣялись, что талантами и станомъ своей дочери всего скорѣе достигнутъ своего намѣренія.

И такъ Антраксъ прибѣгнулъ къ камердинеру настоятелеву, а Кробила между тѣмъ учила дочь свою, какъ ей поступать, дабы, ежели можно будетъ, танцовщицу оттереть, и самой исключительно завладѣть малою садовою калиткою. Предпрїятїе удалось по желанїю. Камердинеръ, которой по склонности господина своего къ *новостямъ* и *перемѣнамъ*, не рѣдко нуженъ бывалъ для его употребленїя, ухватилъ сей случай обѣими руками; и молодая Горго играла роль свою для почину мастерски. Агатирсъ нашелъ въ ней нѣкоторую смѣсь невинной простоты съ живостїю, и нѣкоторой родъ дикихъ прелестей, его плѣнившихъ, потому наипаче, что они были для него новинкою —

кратко сказать, не успѣла она пропѣть въ его кабинетѣ до двухъ или трехъ разъ, какъ Антраксъ спознаАъ уже отъ вѣрной руки, что Агатирсъ правое его дѣло рекомендовалъ разнымъ судьямъ, и отозвался съ нѣкоторою важностію, что онъ не намѣренъ допускать, дабы и самой послѣдній защищенный пришлецъ Язонова храма дѣлался жертвою происковъ крючкотворца Физигната и пристрастія цеховаго мастера Пфрима.

ГЛАВА IV.

Порядокъ судопроизводства. Докладъ Ассессора Милціаса. Приговоръ его съ послѣдствіями.

Между тѣмъ наступилъ день суда, когда сія странная тяжба приговоромъ и правосу-

дїемъ рѣшена быть долженствовала. Изготовленныя стряпчими бумаги препоручены были докладчику по имени *Милцїасу*, противъ безпристрастїя котораго недоброжелатели лѣкаревы разсѣвали много клеветы: ибо не льзя было отрицать того, что онъ съ стряпчимъ Физигнатомъ обходился весьма дружески; и сверьхъ того явно и въ слухъ говорено было, что Госпожа Струтїонъ (которая почиталась за одну изъ пригожихъ женщинъ въ своемъ родѣ) рекомендовала ему не однократно правое дѣло своего мужа собственною своею особою. Но какъ сїи клеветы не основывались на доказательствахъ, то и осталось все въ прежнемъ порядкѣ.

Милціасъ предлагалъ исторію спора столь безпристрастно, и доводы къ сомнѣнію и увѣренію столь обстоятельно, что слушатели долго не примѣтили, куда онъ собственно рѣчь клонитъ. Онъ не отрицалъ, что обѣ партіи много имѣютъ въ пользу и въ потерю свою. Съ одной стороны кажется нѣтъ ничего яснѣе, говорилъ онъ, что тотъ, кто нанялъ осла, какъ *главной предметъ*, вмѣстѣ подразумѣвалъ въ уговорѣ молча и *принадлежность*, его тѣнь; или (естьли такого безмолвнаго соглашенія и не допустить), что тѣнь за своимъ тѣломъ *сама собою* слѣдуетъ, и такимъ образомъ тому, кто пріобрѣлъ себѣ употребленіе осла, приличествуетъ безъ дальнѣйшаго затрудненія

и произвольное употребленіе его тѣни; тѣмъ паче, что у самого осла не отъемлется чрезъ то ничего отъ его бытія и его сущности. Напротивъ того съ другой стороны кажется не менѣе очевидно, что, хотя тѣнь не льзя почесть ни существенною, ниже внѣсущественною частію осла: слѣдственно о наемщикѣ послѣдняго отнюдъ не можно думать, чтобъ онъ первую вмѣстѣ съ симъ молча нанять намѣревался; однако, какъ помянутая тѣнь вообще не можетъ состоять сама по себѣ, или безъ помянутаго осла, и *ослова тѣнь* въ самомъ дѣлѣ есть не иное что, какъ *тѣнной оселъ*, то хозяинъ *осла натуральнаго* можетъ по довольному праву признаваемъ быть и за хозяина *тѣннаго ос-*

ла, отъ перваго происходящаго: слѣдственно отнюдъ не можетъ приневоливанъ быть къ тому, чтобъ послѣдняго безденежно уступилъ наемщику перваго. Сверхъ того, и хотя бы допустить, что тѣнь есть принадлежность вышереченнаго осла, однакожъ наемщику чрезъ то не можетъ еще принадлежать никакого права на оную; поелику онъ договоромъ пріобрѣлъ себѣ право не на *всякое* его *употребленіе*; но единственно на то, безъ котораго бы цѣль договора, а именно преднамѣреваемая поѣздка, не могла быть достигнута. Но понеже между законами города Абдеры не имѣется ни одного, въ которомъ бы ясно и вразумительно содержался предлежащій случай, а по сему рѣшеніе вообще за-

имствовать должно изъ свойства самаго дѣла: того ради все наипаче зависитъ отъ одного пункта, опущеннаго стряпчими обѣихъ сторонъ, или по крайней мѣрѣ токмо вскользь и мимоходомъ приведеннаго, а именно отъ вопроса: должно ли то, *что мы называемъ тѣнїю*, считать *между вещами общественными*, на которыя каждой имѣетъ одинаковое право, или между *собственными*, на кои частныя особы исключительное право имѣть или прїобрѣтать могутъ? А поелику въ недостаткѣ положительнаго закона, согласное мнѣнїе и всеобщїй обычай человѣческаго рода, яко истинное прорицалище самой природы, имѣетъ по справедливости силу положительнаго закона; посред-

ствомъ сегожъ всеобщаго обычая тѣни вещей, (принадлежащихъ не токмо частнымъ особамъ, но и цѣлымъ обществамъ, даже безсмертнымъ богамъ самимъ) доселѣ во всѣхъ мѣстахъ, каждому, кто бы то ни былъ, предоставляемы были для употребленія свободнаго, безпрепятственнаго и безденежнаго: то явствуетъ, что, *по согласію и обычаю рода человѣческаго*, помянутыя *тѣни*, также какъ и *вольной воздухъ*, *вѣтръ и погода*, *текущая вода*, *день и ночь*, *сумерки и разсвѣтъ*, и тому подобное, долженствуютъ считаться между *вещами общественными*, употребленіе которыхъ свободно для каждаго, и на которыя — въ случаѣ, ежели оное употребленіе, подъ извѣстными обстоятель-

ствами, имѣетъ при себѣ нѣкое изключенïе — первой, кто прïобрѣлъ ихъ, получилъ и временное право владѣнïя оными. — И такъ сïе положенïе (къ подтвержденïю котораго остроумной Милцïасъ произнесъ множество доводовъ и свидѣтельствъ, отъ коихъ пощадимъ мы нашихъ читателей) — сïе положенïе принявъ основанïемъ, можетъ онъ не иной какой голосъ подать, какъ тотъ: что тѣнь всѣхъословъ во Ѳракïи, слѣдственно и подавшая непосредственной поводъ къ предлежащей тажбѣ, можетъ столь же мало составлять часть собственности какой либо партикулярной особы, какъ тѣнь горы Аѳонской или градской башни въ Абдерѣ: слѣдственно многократно упомянутая тѣнь

не можетъ быть ни наслѣдственною, ни покупною, и оной не льзя ни продать, ни заложить, ни подарить, ни отдать въ наемъ или на откупъ, ниже другимъ какимъ образомъ, средствомъ и способомъ учинить предметомъ гражданскаго договора или условія; и что по онымъ и другимъ приведеннымъ причинамъ и основаніямъ, въ разсужденіи дѣла погонщика ословъ *Антракса*, яко истца съ *одной*, и зубнаго лѣкаря Струтіона, яко отвѣтчика, съ другой стороны, который последній будто бы ко мнимому вреду и ущербу перваго присвоилъ себѣ тѣнь осла, справедливо заключить слѣдуетъ, что отвѣтчикъ пользоваться вышереченною тѣнію имѣлъ несомнительное право; доноситель же,

не смотря на чинимыя имъ возраженія, долженъ, не токмо въ незаконномъ своемъ требованіи получить отказъ, но и осужденъ быть къ понесенію всѣхъ проторей и издержекъ, и къ замѣнѣ всего отвѣтчику причиненнаго убытку и изъяну, по предварительному судебному разчету.

Мы предоставляемъ благосклонному и законоискусному читателю, о семъ въ перечнѣ токмо предложенномъ мнѣніи мудраго Милціаса, дѣлать свои замѣчанія, какія ему угодно. И какъ мы вознамѣрились во всемъ ономъ дѣлѣ не присвоивать себѣ никакого сужденія, но токмо заступать мѣсто безпристрастнаго дѣеписателя: то удовольствуемся тѣмъ, когда объявимъ, что съ незапамятуе-

мыхъ временъ былъ въ городовой думѣ въ Абдерѣ уставъ, подтверждать мнѣніе докладчика всякой разъ либо единогласно, либо большинствомъ голосовъ. По крайней мѣрѣ болѣе ста лѣтъ не видано было противнаго тому примѣра. Да и по свойству обстоятельствъ не могло происходить иначе. Ибо во время доклада, вообще весьма долго продолжавшагося, Гг. засѣдатели обыкновенно скорѣе дѣлали все другое, нежели внимали причинамъ сомнѣнія и развязки, кои приводимы были докладчикомъ. Большая часть вставали съ своихъ мѣстъ, зѣвали въ окно, или выходили въ боковую комнату для завтрака, или отлучались для минутнаго посѣщенія своихъ пріятельницъ; а тѣ не многіе, кои въ

судѣ оставались, и казалось будто бы въ дѣлѣ принимали нѣкоторое участіе, безпрестанно болтали кое о чемъ съ своими сосѣдями, или иногда при слушаніи и совсѣмъ засыпали. Кратко сказать, на докладчика возлагаема была безмолвная довѣренность, и токмо для вида или порядка, за нѣсколько минутъ до дѣйствительнаго его заключенія, собирались всѣ опять на свое мѣсто, дабы съ подобающею важностію подтвердить сочиненной приговоръ. Такъ поступаемо было до того всегда, даже и при самыхъ затруднительныхъ и замѣшанныхъ дѣлахъ. Однако тяжбѣ объ ослиной тѣни оказана была необыкновенная и неслыханная честь, такъ что всѣ судьи оставались въ полномъ собраніи, и

(выключая трехъ или четырехъ засѣдателей, кои зубному лѣкарю обѣщали уже свой голосъ, и не хотѣли уступить своего права, спать въ засѣданіи) каждой слушалъ со всякою внимательностію, толь чудной тяжбы достойною; и какъ голося были собраны, то нашлось, что приговоръ подтвержденъ былъ только большинствомъ 12 противъ 8 членовъ.

Вскорѣ по обнародованіи сего не преминулъ *Полифонъ*, истцовый стряпчій, возвысить свой голосъ, и противъ онаго приговора, какъ неправосуднаго, пристрастнаго и не дѣльнаго, представить въ вышшій Совѣтъ Абдерскій. Поелику же тяжба ведена была по такому дѣлу, которое и самая обиженною себя почитающая сторона

цѣнилъ не болѣе двухъ драхмъ, а сія сумма, со включеніемъ всѣхъ надлежащихъ проторей и убытковъ, далеко была еще недостаточною для перенесенія тяжбы въ вышшій судъ: то поднялся о томъ въ засѣданіи великой шумъ. Меньшее число членовъ объявили, что здѣсь рѣчь идетъ не о суммѣ, но о всеобщемъ запросѣ, до собственности касающемся, и еще никакими законами въ Абдерѣ не опредѣленномъ, слѣдовательно по свойству дѣла, оной спорной запросъ предложить должно самому законодателю, которому единому приличествуетъ, въ сомнительныхъ случаяхъ такого рода, чинить свой приговоръ.

Какимъ же образомъ произошло, что докладчикъ при

всей своей приверженности къ иску обвиняемаго, не подумалъ о томъ, что покровители противной стороны воспользуются симъ предлогомъ, для отдачи своего дѣла въ главной Совѣтъ — тому не можемъ мы привесть другой причины, кромѣ той, *что онъ былъ Абдеритъ*, и по всеобщему издревле введенному обычаю его единоземцовъ, разсматривалъ каждую вещь съ одной токмо точки зрѣнія, да и то вскользь. Однако можетъ быть послужитъ еще къ оправданію его, что онъ часть послѣдней ночи препровелъ на великолѣпной пирушкѣ, и возвратясь домой, долженъ былъ еще Госпожу Струтіонъ допустить къ себѣ на довольно продолжительную аудіенцію, и по сему, какъ думать надоб-

но — не выспался. По долгомъ споръ и шумъ объявилъ наконецъ городовой судья Филиппидъ, что онъ по обстоятельствамъ тяжбы, не можетъ преминуть, чтобъ запроса, совмѣстна ли противоположенная доносителями аппелляцiя, не представить Сенату. Послѣ чего онъ всталъ; присудствовавшiе члены разошлись съ нарочитымъ ропотомъ и крикомъ; и обѣ стороны спѣшили, посовѣтоваться съ друзьями, благодѣтелями и стряпчими своими, какъ имъ въ дѣлѣ своемъ далѣе поступать должно.

ГЛАВА V.

Мнѣнія Сената. Цѣломудріе прекрасной Горго съ послѣдствіями. Жрецъ Стробилъ вмѣшивается въ дѣло, въ которомъ многіе принимаютъ участіе.

Тяжба объ ослиной тѣни, которая сначала Абдеритовъ по нелѣпости с ей токмо увеселяла, превратилась потомъ въ такое дѣло, въ которомъ замѣшаны были права, честь и всякія пристрастія и выгоды разныхъ отчасти знаменитыхъ членовъ республики.

Цеховой мастеръ *Пфримъ* прозакладывалъ свою голову, что товарищъ его выиграетъ; и какъ онъ почти всякой вечеръ бывалъ въ сборныхъ мѣстахъ гражданъ, то уже до половины

народа склонилъ на свою сторону, и число его единомышленниковъ возрастало со дня на день.

Напротивъ того первенствующїй настоятель почиталъ обстоятельство не столько важнымъ, чтобъ въ пользу своего пришлеца употребить все свое могущество. Но какъ обращенїе его съ прекрасною Горго становилось отчасу занимательнѣе, поелику она, вмѣсто извѣстной гибкости, каковую онъ въ ней обрѣсти надѣялся, оказала сопротивленїе, чего отъ породы и воспитанїя ея не льзя и ожидать было, и даже отозвалась; „что она сомнѣвается, „*добродѣтель свою* еще подвер„гать опасностямъ посѣщенїя „чрезъ садовую калитку„ — то весьма натурально было,

что онъ не долго мѣшкалъ, дабы ревностію, съ которою началъ подкрѣплять отцовскую прозьбу, пріобрѣсть себѣ ближайшее право на благодарность дочери.

Новой шумъ въ городѣ по поводу перенесенія тяжбы объ ослѣ въ большой Совѣтъ, подалъ ему случай, съ нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ Совѣтниковъ снестись объ оной. Какъ ни смѣшно сіе дѣло само по себѣ, говорилъ онъ, однако не можно допустить, чтобъ бѣдной человѣкъ, находящійся подъ покровительствомъ Язоновымъ, притѣсняемъ былъ *явными происками*. Сила не въ *причинѣ*, которая часто для самыхъ важнѣйшихъ приключеній бываетъ весьма маловажною; но въ *побужденіи*, или такъ сказать, въ

духѣ, *съ какимъ дѣло производится*, и въ *намѣреніяхъ* и *видахъ*, кои предположены *въ мысляхъ*, или по крайней мѣрѣ обнаружены *въ прозьбѣ*. Дерзкая отважность ябеды *Физигната*, которой собственно виновенъ во всемъ соблазнѣ, должна быть наказана, и на властолюбиваго, безразсуднаго *Демагога* (цеховаго мастера Пфрима) надлежитъ за благовременно еще накинуть узду, прежде нежели ему удастся, совсѣмъ испровергнуть аристократію и проч.

Придерживаясь правды, скажемъ мы, что сначала дѣйствительно были нѣкоторые Совѣтники, кои на тяжбу почти такъ смотрѣли, какъ на нее смотрѣть надлежало, и весьма пеняли на городоваго судью Фи-

липпида, что онъ не имѣлъ столько смысла, дабы нелѣпую ссору прекратить въ самомъ ея началѣ. Однако не примѣтно образъ мыслей перемѣнился; и затмѣніе, поселившееся въ головахъ нѣкоей части гражданъ, простерлось наконецъ и до большей части Совѣтниковъ. Нѣкоторые начали дѣло почитать по тому важнѣйшимъ, что по видимому настоятель Агатирсъ горячо за оное вступился. Другихъ приводила въ волненіе опасность, могущая для вельможевластія возрасти отъ предпріимчиваго цеховаго мастера Пфрима. Иные пристали къ сторонѣ погонщика единственно по упрямству; другіе по дѣйствительному чувствованію, что ему причиняется обида, а еще другіе объявили себя въ

пользу лѣкаря для того, что извѣстныя особы, съ коими они никогда не хотѣли быть одного мнѣнія, вступились за его соперника.

При всемъ томъ сія малозначащая тяжба, сколько Абдериты ни были — Абдеритами, никогдабы не произвела толь сильнаго смятенія въ республикѣ, естьлибъ злой демонъ ея не внушилъ *жрецу Стробилу*, чтобъ сей, по его наважденію, не имѣя ближайшаго права, кромѣ безпокойнаго своего духа и ненависти своей къ настоятелю Агатирсу, замѣшался въ оныя критическія обстоятельства.

А дабы для благосклоннаго читателя было вразумительнѣе, то мы начнемъ, такъ какъ древній стихотворецъ началъ свою

Илїаду, ab ovo, тѣмъ паче, что и нѣкоторыя мѣста въ повѣствованныхъ нами чудныхъ приключенїяхъ съ Эврипидомъ, равно какъ нѣкоторыя слова, жрецомъ Стробиломъ произнесенныя противъ Демокрита, надлежащимъ образомъ объяснены будутъ.

ГЛАВА VI.

Отношенїе храма Латонина къ храму Язонову. Несходство нравовъ верховнаго жреца Стробила и настоятеля Агатирса. Стробилъ приступаетъ къ противной сторонѣ послѣдняго, и подкрѣпляется Салабандою, которая въ дѣлѣ начинаетъ играть важную ролю.

Служенїе *Латонѣ* въ Абдерѣ, какъ Стробилъ увѣрялъ Эврипида, равняется древностїю

своею перемѣщенію Ликїйских поселенцов; и простота строенія малаго их храма могла почесться достаточным подтвержденіем онаго преданія. Сколь не казист был сей Латонин храм, столько бѣдны были и опредѣленные доходы для его жрецов. Но как нужда изобрѣтательна: то оные жрецы издавна уже сыскали средства, для нѣкоторой замѣны обыкновенных своих скудных доходов, обложить оброком суевѣріе Абдеритов; а как и сего было не довольно, то они довели до того, что Сенат (*которой ни на какую прибавку въ жалованьѣ* отнюд не соглашался) назначил *для содержанія освященнаго пруда лягушекъ* нѣкоторыя суммы, которых самую большую часть

правдолюбивыя лягушки предоставляли своимъ попечителямъ.

Совсѣмъ инаковы были обстоятельства храма *Язонова*, сего славнаго Аргонаутовъ предводителя, которой въ Абдерѣ причтенъ былъ въ число боговъ и имѣлъ всенародное себѣ служенiе; хотя мы не можемъ привести сему другой причины, кромѣ той, что нѣкоторыя самыя древнiя и богатыя фамилiи вели отъ *сего Героя* свое поколѣнiе. Одинъ изъ внучатъ его, какъ повѣствуетъ преданiе, поселился въ семъ городѣ, и содѣлался общимъ прародителемъ разныхъ поколѣнiй, изъ коихъ нѣкоторыя еще во дни настоящей нашей исторiи находились въ цвѣтущемъ состоянiи. Въ честь воспоминанiя объ

ономъ героѣ, яко своемъ предкѣ, построили они сначала, по древнему обычаю, токмо малое домовое капище. Въ продолженіиж времени превращено оно было въ нѣкоторой родъ храма, которой отъ набожности Язоновыхъ потомковъ надѣленъ былъ мало по малу многими помѣстьями и доходами. Наконецъ, когда городъ Абдера посредствомъ торговли и щастливыхъ обстоятельствъ учинился однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ во Ѳракіи, то *оные потомки* вознамѣрились, обоготворенному своему предку соорудить храмъ, котораго велелѣпіе могло какъ республикѣ, такъ и имъ самимъ сдѣлать честь у послѣдовавшихъ обитателей земнаго круга. Новой храмъ Язоновъ былъ огромное

зданіе, и съ принадлежавшими къ нему пристройками, садами, жилищами жрецовъ, приставниковъ, защищенныхъ пришлецовъ и проч. составлялъ знатное подворье въ городѣ. Первенствующій настоятель онаго долженствовалъ всегда происходить *отъ древнѣйшей линіи потомковъ Язоновыхъ*; а какъ онъ, при весьма нарочитыхъ доходахъ имѣлъ и главное вѣдомство надъ принадлежавшими храму людьми и помѣстьями: то легко заключить можно, что главные жрецы Латонины на всѣ таковыя преимущества не могли смотрѣть равнодушно, и что между сими обѣими духовными властями долженствовала вкорениться ревность, которая по наслѣдству переходила къ преемникамъ, и при каждомъ

случаѣ обнаруживалась во взаимныхъ ихъ поступкахъ.

Хотя главной жрецъ Латонинъ почитался начальникомъ всего Абдеритскаго священства, однако первенствующїй настоятель Язоновъ не состоялъ подъ его властїю, но имѣлъ особую управу, которая, кромѣ подсудности городу Абдерѣ, была свободною отъ всякой другой зависимости. Праздники храма Латонина были собственно главными праздниками республики; но какъ умѣренные онаго доходы не позволяли употреблять особенныхъ издержекъ, то праздникъ Язоновъ, отправляемой съ необычайною пышностїю и великими торжественными обрядами, былъ въ глазахъ народа, естьли не главнѣйшїй, то по крайней мѣрѣ такой, кото-

рымъ онъ наипаче увеселялся; все почтенїе черни къ древности священнослуженїя Латонѣ, и неограниченная вѣра въ ея жреца и освященныхъ лягушекъ, не могли воспрепятствовать, чтобъ *осанка* настоятеля Язонова храма не придавала ему большей важности. И хотя *простой народъ* вообще имѣлъ болѣе склонности къ Латонину жрецу, однакожъ сїе преимущество было превозмогаемо тѣмъ, что Язоновъ жрецъ находился съ *Аристократическими домами* въ связи, подкрѣплявшей его такъ, что честолюбивому человѣку на семъ мѣстѣ не трудно бы было представлять малаго тирана Абдерскаго.

Къ толь многимъ причинамъ питаемой изстари ревно-

сти и негодованія между обоими начальниками Абдерскаго духовенства присоединилась въ Стробилѣ и Агатирсѣ еще *личная ненависть*, натуральное слѣдствіе несходства и противоположности ихъ нравовъ.

Агатирсъ болѣе свѣтской человѣкъ, нежели духовной, имѣлъ въ самомъ дѣлѣ только одѣяніе послѣдняго. *Любовь къ удовольствію* была обладающая имъ страсть. Ибо хотя въ немъ не видно было недостатка въ гордости, однакожъ не льзя ни о комъ сказать, что онъ честолюбивъ, когда честолюбіе соединено въ немъ съ другою равно сильною страстію. Онъ любилъ искусства и художества, коротко обходился съ виртуозами всякаго рода, и славился какъ одинъ изъ такихъ

жрецовъ, кои мало вѣруютъ собственнымъ богамъ своимъ. По крайней мѣрѣ не льзя отрицать того, что онъ часто съ довольною откровенностію *подшучивалъ надъ лягушками Латониными*; и нашелся нѣкто, которой поклясться хотѣлъ, что слышалъ изъ собственныхъ его устъ: „*Лягушки сей богини давно уже всѣ превращены въ бѣдныхъ поэтовъ и Абдеритскихъ пѣвцовъ.*„ — Что онъ съ *Демокритомъ* жилъ въ добромъ согласіи, то и сіе не позволяло стоять за его правовѣріе. Словомъ, Агатирсъ былъ человѣкъ здороваго сложенія, веселаго нрава и нарочито вольнаго образа жизни; любимъ Абдерскимъ дворянствомъ, а еще болѣе прекраснымъ поломъ, — и по щедрости и

пышности своей — любимъ даже гражданами самаго послѣдняго состоянія.

Но надобно было, чтобъ натура произвела совершеннаго антипода всему тому, чѣмъ былъ Агатирсъ, а именно жреца Стробила. Сей человѣкъ, по примѣру многихъ ему подобныхъ, нашелъ, что морщинами стянутое чело и степенность суть необманчивыя средства, чтобъ отъ толпы народной почитаему быть за мудраго и непорочнаго мужа. А какъ онъ отъ природы былъ нарочито неуклюжъ и нескладенъ, то мало стоило ему труда, пріобучить себя къ такой *важности*, или лучше сказать *отяготѣлости*, которая въ большей части людей ничего инаго не доказываетъ, какъ *тупость раз-*

ума и необдѣланность ихъ нравовъ. Безъ чувства ко всему тому, что величественно и красиво, былъ онъ отъ природы презритель талантовъ и художествъ, оное чувство предполагающихъ; и ненависть его къ Философіи была единственно личиною, покрывавшею врожденную глупой головы ненависть ко всѣмъ, кои больше его *имѣли разума и познанія.* Въ сужденіяхъ своихъ былъ онъ неоснователенъ, во мнѣніяхъ упрямъ, въ противорѣчіяхъ запальчивъ и грубъ, и гдѣ онъ почиталъ себя обиженнымъ, въ собственной ли его особѣ, или въ лягушкахъ Латониныхъ, чрезвычайно мстителенъ; однакожъ и до крайности ползокъ и гибокъ, какъ скоро онъ въ выгодномъ для него предпрія-

тїи не могъ успѣть безъ помощи ненавидимой имъ особы. Сверхъ того не безъ основанїя неслась молва о немъ, что надлежащимъ количествомъ полновѣсныхъ *дариковъ* и *филиповъ* можно его подкупить ко всему тому, что съ наружностїю его характера не совсѣмъ несогласно было.

Изъ столь противоположенныхъ нравовъ, и столь многихъ поводовъ къ зависти и ревнованїю со стороны жреца Стробила, произошла необходимо въ обоихъ взаимная ненависть, которая неволю, налагаемую на нихъ саномъ и мѣстомъ ихъ, съ трудомъ превозмогала, и въ томъ единственно различествовала, что Агатирсъ по великому *презрѣнїю* главнаго жреца, не питалъ

къ нему великой ненависти, а сей по великой *зависти* не могъ перваго презирать столько, сколько бы ему хотѣлось.

Ко всему оному присовокупилось еще въ добавокъ, что *Агатирсъ*, по породѣ своей и всему положенiю своему, благопрiятствовалъ Аристократiи, или *вельможевластiю*; напротивъ того *Стробилъ*, не смотря на отношенiя свои къ нѣкоторымъ Совѣтникамъ, былъ явной другъ Демократiи или народоправительства, и, по цеховомъ мастерѣ Пфримѣ, первой своею личностiю, достоинствомъ, умоизступительною запальчивостiю и нѣкоторымъ общенароднымъ краснобайствомъ имѣлъ на простую черню великое влiянiе.

И такъ легко предвидѣть можно, что тяжба объ ослиной тѣни, или о тѣнномъ ослѣ, долженствовала необходимо обратить на себя всеобщее вниманïе, какъ скоро замѣшались въ нее двѣ такïя особы, каковы были верховные жрецы Абдеритскïе.

Стробилъ, доколѣ дѣло производилось *предъ городовыми судьями*, принималъ въ ономъ участïе не иначе, какъ только случайно отзывался, что онъ на мѣстѣ зубнаго лѣкаря точно бы также поступилъ. Но едва онъ чрезъ госпожу *Салабанду*, свою племянницу, свѣдалъ, что Агатирсъ за дѣло своего пришлеца, въ первомъ судѣ обвиненнаго, вступился какъ за свое собственное, то вдругъ ощутилъ въ себѣ

долгѣ, предводительствовать стороною отвѣтчика, и происки цеховаго мастера подкрѣплять всѣмъ тѣмъ уваженїемъ, каковымъ онъ пользовался отъ совѣтниковъ и народа.

Салабанда, по привычкѣ своей мѣшаться во всѣ Абдеритскїя ссоры, не захотѣла быть въ числѣ послѣднихъ, кои въ оной партїи берутъ участїе. Кромѣ родства своего съ жрецомъ Стробиломъ имѣла она еще особую причину, быть съ нимъ за одно; причину, не менѣе важную, поелику она въ тяжебномъ искѣ объ ней не позабыла. Мы при другомъ случаѣ упомянули, что сїя дама, по политическимъ ли только видамъ, или можетъ быть по тому, что не много кокетства — и кто знаетъ не вмѣ-

шивалось ли иногда можетъ быть и то, что на новѣйшемъ языкѣ свѣтскихъ Французовъ значитъ дамское *сердце*: довольно, когда за подлинно извѣстно было, что сія дама всегда имѣла при себѣ по нѣскольку покорныхъ рабовъ, между коими (такъ какъ думали) всегда по крайней мѣрѣ одинъ или другой знать должны, *за что они служатъ*. Тайная лѣтопись Абдеры повѣствуетъ, что первенствующій настоятель Агатирсъ долго имѣлъ честь, быть однимъ изъ послѣднихъ; и въ самомъ дѣлѣ стеклось много обстоятельствъ, по которымъ сей слухъ можно было почитать не одною токмо догадкою. Словомъ, между ими съ давнаго времени велась весьма короткая дружба до тѣхъ

поръ, пока пожаловала въ Абдеру танцовщица, и непостоянному потомку Язонову такъ полюбилась, что Салабанда не могла наконецъ не признать себя пожертвованною своей сопернице.

Хотя Агатирсъ продолжалъ еще посещать домъ ея по старому знакомству, и она была столь тонка, что въ наружныхъ поступкахъ своихъ не показывала въ разсуждении его ни малейшей перемены; однако сердце ея пылало мщениемъ. Не забывая ничего, что настоятеля могло завести далее въ хлопоты, и сильнее растрогать, примечала она тайно за всеми его шагами, за всеми большими и малыми, передними и задними дверьми, ведущими въ *его кабинетъ*, съ такимъ

вниманіемъ, что весьма скоро узнала о короткомъ его обращеніи съ молодою *Горго*, и жрецу Стробилу могла подать способы, дабы къ настоятелю за ревностное ходатайство его о дѣлѣ погонщика возбудить *ненависть*, такъ какъ она сама подъ рукою старалась привести его въ посмѣяніе.

Агатирсъ, сколь ни мало ему стоило, политическими и честолюбивыми видами пожертвовать въ *пользу* своихъ утѣхъ, имѣлъ однакожъ минуты, въ которыя малѣйшее сопротивленіе въ дѣлѣ, хотя бы для него отнюдъ не важномъ, воспламеняло всю его гордость; а въ такомъ случаѣ пылкость его обыкновенно заводила его гораздо далѣе, нежели бы онъ зашелъ, естьлибъ то дѣло удо-

стоилъ хладнокровнаго разсужденія. Причина, для которой онъ сначала вмѣшался въ нелѣпую тяжбу, болѣе не существовала. Ибо прекрасная Горго, не смотря на совѣты и поученія своей матери Кробилы, не имѣла либо довольно искусства, либо твердости, надлежащимъ образомъ исполнять предначертанной ей сперва планъ къ оборонѣ противъ осады толь опаснаго и опытнаго непріятеля. Но онъ въ обстоятельства былъ уже запутанъ; честь его была при томъ оскорблена; онъ получалъ ежедневно и ежечасно извѣстія, съ какимъ безчинствомъ поступали противъ него цеховой мастеръ и жрецъ Стробилъ съ своими сообщниками, какъ они грозили, какъ величались надеждою, что успѣ-

ютъ въ своемъ предпріятіи, и тому подобное — а сіе было болѣе, нежели сколько требовалось, побудить его, чтобъ онъ рѣшился употребить всю свою власть, дабы низложить соперниковъ, коихъ онъ толико презиралъ, и наказать ихъ за продерзость, что противъ него возстали. Не смотря на козни Гжи. Салабанды, кои наконецъ не могли сокрыться отъ глазъ его, большая часть Сенаторовъ была на его сторонѣ; и хотя совмѣстники его ничего не пропускали къ раздраженію противъ него народа: однако онъ имѣлъ, особливо между цехами кожевниковъ, мясниковъ и пекарей, партію здоровыхъ и дюжихъ мужичинъ, кои сколь туги были въ головѣ, столь сильны въ снабдѣнныхъ твер-

дыми нервами рукахъ, и каждую минуту въ готовности находились, за него и за приверженныхъ къ его сторонѣ, въ случаѣ нужды, поднять крикъ и пуститься въ кулачной бой.

ГЛАВА VII.

Вся Абдера раздѣляется на двѣ противоборствующія стороны. Тяжба предлагается Совѣту.

Въ такой разстройкѣ находились обстоятельства, какъ вдругъ пронеслись имена *тѣней* и *ословъ* въ Абдерѣ, и не много времени спустя повсюду употребляемы были для означенія обѣихъ противоборствующихъ сторонъ. Объ истинномъ происхожденіи сихъ прозвищъ нѣтъ совершенно достовѣрнаго извѣ-

стія. Думать надобно, что какъ партіи не могутъ долго состоять безъ наименованій, то единомышленники зубнаго лѣкаря Струтіона между простымъ народомъ, защищая право его на *ослиную тѣнь*, начали самихъ себя называть тѣнями, а *противниковъ своихъ* за то, что они хотѣли тѣнь какъ бы превратить въ осла, изъ насмѣшки и презрѣнія, называть ослами. Сообщникижъ настоятелевы не будучи въ состояніи отвратить сего наименованія, привыкали къ оному мало по малу, и употребляли его на первой случай въ шутку, съ тѣмъ единственно различіемъ, что они все выворотили на изнанку, и тѣнь принимали въ презрительномъ, а осла въ почтительномъ смы-

слѣ. Ежели уже изъ двухъ однимъ чѣмъ нибудь надобно непремѣнно слыть, говорили они, то каждой умной человѣкъ конечно согласится лучше быть дѣйствительнымъ осломъ въ натурѣ со всѣми его принадлежностями, нежели одною только ослиною тѣнїю.

Какъ бы то ни было, довольно сказать, что спустя нѣсколько дней, вся Абдера раздѣлилась на сїи двѣ партїи; и поелику каждая изъ нихъ имѣла особое свое прозванїе: то ревность съ обѣихъ сторонъ усилилась до такого степени, что уже никому не позволено было, держаться неутралитета. *Тѣнь ли ты, или оселъ*, такъ спрашивали граждане другъ друга при первой встрѣчѣ на улицѣ, или въ питейномъ домѣ;

и когда тѣнь имѣла нещастіе одна только изъ подобныхъ себѣ попасться между множествомъ ословъ, то, ежели тогдажъ не спасалась бѣгствомъ, не оставалось ей ничего, какъ либо тотчасъ отрещись отъ своей ереси, либо попустить, чтобъ толчками высунули на дворъ.

Безпорядки, отъ сего произойти долженствовавшіе, можно себѣ представить и безъ нашей картины. Взаимное огорченіе возрасло въ непродолжительномъ времени до того, что названная *тѣнь* лучше хотѣла морить себя съ голоду и походить на дѣйствительную тѣнь Стигійскую, нежели купить даже на полушку хлѣба у пекаря противной партіи.

Равномѣрно и бабы, какъ легко судить можно, приняли

въ тяжбѣ участіе, и безъ сомнѣнія не съ меншимъ жаромъ. Ибо первая кровь, по случаю сего страннаго междоусобія, пролилась отъ когтей *двухъ торговокъ*, кои на рынкѣ одна другой вцѣпились въ хари. Между тѣмъ примѣчено было, что гораздо большая часть *Абдеритянокъ* объявила себя *въ пользу настоятеля*; и гдѣ въ домѣ мужъ былъ тѣнью, тамъ на вѣрное надлежало заключать, что жена была *ослицею*, и обыкновенно ослицею съ норовомъ, какую себѣ токмо представить можно. Между разными частію важными, частію смѣшными слѣдствіями сего враждебнаго духа, поселившагося въ Абдеритянокъ, было то, что многія любовныя связи разрывались вдругъ, поелику упрямой Селадонъ лучше

соглашался пожертвовать своими требованїями, нежели своею партїею, такъ какъ напротивъ того иной, которой нѣсколько лѣтъ тщетно старался притти въ любовь у своей красавицы, и не могъ несклонности ея къ себѣ преодолѣть никакими средствами, кои когда либо отъ нещастнаго любовника употребляемы были, теперь для содѣланїя себя щастливымъ, не имѣлъ нужды ни въ какомъ другомъ титлѣ, какъ увѣрить обожаемую имъ особу, что онъ — сущїй *оселъ*.

Между тѣмъ предварительной запросъ, можно ли по требованїю доносителей дѣло препроводить въ главной Совѣтъ, или нѣтъ, предложенъ Сенату. Хотя въ первой разъ еще слу-

чилось, что тяжба объ ослѣ вступила въ оное почтенное собранiе; однако вскорѣ оказалось, что каждой уже избралъ свою сторону. Архонтъ Онолай былъ одинъ только, которой по видимому находился въ недоумѣнiи, какой бы приличной видъ можно было дать оной тяжбѣ. Ибо примѣчено было, что онъ говорилъ гораздо тише обыкновеннаго, и въ заключенiи рѣчи своей произнесъ слѣдующiя достопамятныя слова: онъ весьма опасается, чтобъ ослиная тѣнь, о которой нынѣ спорятъ съ толикимъ жаромъ и ревнiемъ, *не помрачила славы республики на многiя столѣтiя*. По его мнѣнiю всего лучше поданную апелляцiю возвратить какъ недѣйствительную и ничтожную,

приговорЪ городоваго суда (не выключая самую статью замѣны издержекЪ и проторей) подтвердить, и обѣимЪ сторонамЪ повелѣть, чтобЪ они распрю свою предали вѣчному забвенію. Между тѣмЪ, примолвилЪ онЪ, ежели большинство членовЪ думаетЪ, что законы вЪ Абдерѣ недостаточны кЪ рѣшенію толь малозначащей тяжбы, то онЪ *долженЪ* согласиться, чтобЪ главной СовѣтЪ учинилЪ о томЪ свой приговорЪ; однако хотѣлЪ бы онЪ предложить, чтобЪ напередЪ поискали вЪ архивѣ, не встрѣчались ли таковые необыкновенные случаи уже вЪ давнихЪ временахЪ, и какЪ при томЪ поступаемо было.

Сіе умѣренное мыслей расположеніе — которое отЪ безпристрастнаго потомства вмѣ-

нено будетъ ему единогласно въ заслугу, яко опытъ истиннаго въ правленіи благоразумія — признано тогда, когда духъ раздора ослѣпилъ всѣмъ глаза, слабостію и флегматическимъ равнодушіемъ. Разные Сенаторы, приверженные къ настоятелю, отозвались въ плодовитыхъ рѣчахъ и съ великимъ жаромъ, что не можно маловажнымъ называть ничего такого, что касается до правъ и вольностей Абдеритовъ; гдѣ нѣтъ закона, тамъ не совмѣстно и никакое судопроизводство: и первой примѣръ, гдѣбъ судьямъ позволено было, рѣшить дѣло по *произвольной справедливости*, испровергъ бы навсегда вольность Абдеры. Хотя бы споръ касался и до сущей бездѣлки, однако тутъ

не спрашивается, *важенъ ли онъ или нѣтъ*, но *которая изъ обѣихъ противныхъ сторонъ имѣетъ право*; и поелику нѣтъ закона, которой бы въ предлежащемъ случаѣ рѣшилъ, подразумѣвается ли въ наймѣ тѣнь ослиная, или нѣтъ, то ни судъ нижнїй, ни самой Сенатъ не можетъ безъ явнаго тиранства, наемщику что либо присудить, къ чему хозяинъ по крайней мѣрѣ столькожъ имѣетъ права, или еще и болѣе, поелику изъ свойства договора отнюдъ *по необходимости не слѣдуетъ*, чтобъ мнѣнїе послѣдняго было, нанять у перваго на время и тѣнь его осла и проч. Одинъ изъ сихъ Сенаторовъ въ запальчивости вскричалъ, что онъ всегда былъ ревностнымъ за-

щитникомъ своего отечества; и что прежде, нежели онъ допуститъ, чтобъ кто либо изъ его гражданъ покусился отнять у другаго самовольно даже *тѣнь пустова орѣха*, то скорѣе согласится видѣть всю Абдеру объятую огнемъ и пламенемъ.

Тогда цеховой мастеръ Пфримъ совсѣмъ вышелъ изъ терпѣнія. Пламенемъ, сказалъ онъ, которымъ грозятъ цѣлому городу, пусть охваченъ будетъ тотъ, кто съ такою буйною продерзостію говорить отважится. „Я не грамотей, продолжалъ онъ; однакожъ клянусь, „что черное отъ бѣлаго различить могу! Надобно безъ „ума быть, увѣряя другова, „что потребенъ законъ, есть-„ли предлежитъ вопросъ, мо-

„жетъ ли кто сѣсть подъ
„тѣнью осла, когда онъ на-
„личными деньгами откупилъ
„право сидѣть на самомъ ослѣ.
„Вообще къ стыду и поноше-
„нію служитъ, что толь мно-
„гіе важные и умные люди ло-
„маютъ себѣ голову надъ та-
„кимъ дѣломъ, которое тот-
„часъ бы рѣшилъ каждой робе-
„нокъ. Ибо слыхано ли когда
„нибудь въ свѣтѣ, чтобъ тѣ-
„ни считались между такими
„вещами, кои другъ другу въ
„наймы или на откупъ отда-
„вать можно?„

Господинъ цеховой ма-
стеръ, прервалъ его рѣчь Со-
вѣтникъ *Буфранорь*, вы сами
на себя говорите, утверждая
свое мнѣніе. Ибо, когда тѣнь
ослиная не *могла* отдана *быть*
въ наймы, то ясно, что она

и не отдана *была*; поелику a non posse ad non esse valet consequentia. И такъ зубной лѣкарь, по собственномужъ вашему основанію, не имѣетъ никакого права на тѣнь, и весь вашъ судъ по себѣ ничтоженъ и недѣйствителенъ.

Цеховой мастеръ остолбенѣлъ; и какъ ему не вспало тогдажъ на мысль, чтобы отвѣтствовать на сей тонкой доводъ, то началъ онъ кричать еще громче, и призывалъ небо и землю въ свидѣтели, что онъ скорѣе выдеретъ у себя сѣдую бороду по клочкамъ, нежели допуститъ, чтобъ сдѣлали его подъ старость осломъ. Преданые ему подкрѣпляли его изо всѣхъ силъ: однако принуждены были уступить большинству голосовъ; и все, что они на-

конецъ съ помощію Архонта и Совѣтника, которой всегда *тихо и ровно размѣрялъ шаги свои*, получить могли, состояло въ томъ; *чтобъ дѣло до времени остановить въ прежнемъ положеніи, пока въ архивѣ поискано будетъ, не найдется ли предварительнаго рѣшенія, чрезъ которое бы тяжба объ ослѣ могла прекращена быть безъ дальныхъ околичностей.*

ГЛАВА VIII.

Хорошій порядокъ въ канцеляріи Абдерской. Предварительныя рѣшенія дѣлъ, изъ коихъ ничего не слѣдуетъ. Народъ дѣлаетъ приступъ къ ратушѣ, но укрощается Агатирсомъ. Сенатъ опредѣляетъ, дѣло предложить верховному Совѣту.

Канцелярія города Абдеры — поелику здѣсь открывается случай словахъ въ двухъ упомянуть о ней — была вообще такъ хорошо распоражена, какъ отъ мудрой республики ожидать надлежитъ. Между тѣмъ имѣла она общія со многими другими канцеляріями двѣ погрѣшности, на которыя въ Абдерѣ, уже съ нѣсколькихъ столѣтій, почти ежедневно при-

носима была жалоба, и никому не приходило на мысль: *не можно ли оное зло отвратить тѣмъ или другимъ образомъ?*

Одинъ изъ сихъ недостатковъ былъ тотъ, что письменныя дѣла и записки хранились въ нѣкоторыхъ глухихъ и сыростью наполненныхъ чуланахъ, гдѣ они по причинѣ спирающагося воздуха тлѣли, согнивали, поядаемы были молью, и отъ времени до времени совершенно не годились для употребленія; другой, *что не смотря на все исканіе, ничего въ нихъ найти было не можно.* Сколь часто сіе случалось, то обыкновенно кто либо изъ патріотическихъ Совѣтниковъ, большею частію съ присовокупленіемъ голосовъ всего Сената, дѣлалъ замѣчаніе: „Что это единственно

отъ того происходитъ, *поелику не наблюдается въ канцелярiи никакого порядка.*„ Въ самомъ дѣлѣ трудно было выдумать другое предположенiе, посредствомъ котораго таковое обстоятельство можно бы было объяснить удобнѣйшимъ и понятнѣйшимъ образомъ. А отъ сего происходило, что почти всегда„ когда въ Совѣтѣ опредѣлялось, поискать въ канцелярiи, каждой уже напередъ зналъ, и большею частiю на вѣрное полагалъ, *что тамъ ничего не найдется.* И отъ сегожъ происходило, что обыкновенной въ слѣдующемъ Совѣтномъ засѣданiи отвѣтъ: „ не смотря на все исканiе ничего въ канцелярiи не найдено„ принимаемъ былъ съ хладнокровнымъ равнодушiемъ, какъ такое дѣло,

котораго ожидать надлежало, и которое само по себѣ разумѣлось.

Сіежъ случилось и въ то время, когда канцеляріи препоручено было, порыться въ старыхъ кипахъ, не найдетъ ли она запаснаго или примѣрнаго приговора, которой бы прозорливости Сената при рѣшеніи весьма трудной тяжбы о тѣни ослиной могъ послужить свѣтильникомъ. *Не нашлось ничего*, хотя нѣкоторые Господа Члены въ послѣднемъ засѣданіи весьма положительно увѣряли, что надобно быть безчисленнымъ случаямъ настоящему подобнымъ.

Между тѣмъ одинъ Совѣтникъ со стороны *ословъ* по ревности своей добрался до актовъ о двухъ старинныхъ тяж-

бахъ, надѣлавшихъ нѣкогда много шуму въ Абдерѣ, и по видимому имѣющихъ сходство съ настоящею.

Одна касалась до спора между помѣщиками двухъ дачь въ загородномъ полѣ, о правѣ собственности въ разсужденіи нѣкотораго между обѣими дачами лежащаго малаго пригорка, въ окружности отъ пяти до шести шаговъ простирающагося, и въ продолженіи времени вѣроятно происшедшаго отъ взрытыхъ кротами близко другъ отъ друга нѣсколькихъ кучь. Тысяча маловажныхъ постороннихъ обстоятельствъ мало по малу причинили между обѣими въ споръ вступившими фамиліями толь сильную вражду, что каждая рѣшилась, лучше потерять дворъ съ землею,

нежели мнимое свое право на оной обитаемой некогда кротами пригорокъ. Абдеритская Юстиція приведена была темъ въ крайнее замешательство и недоуменіе, поелику доказательства и возраженія на нихъ, зависели отъ огромнаго стеченія безконечно мелкихъ, сомнительныхъ и неизъяснимыхъ обстоятельствъ, такъ что тяжба, чрезъ двятцать пять летъ продолжавшаяся, не токмо ни на одинъ шагъ не приближилась къ решенію, но на противъ того въ двадцать пять разъ запутана была более, нежели при самомъ начале. Вероятно, что она и никогда бы не окончилась, естьлибъ обе партіи напоследокъ не принуждены были, урочища, между которыми лежалъ спорной крота-

ми взрытой пригорокъ, уступить своимъ стряпчимъ за труды, протори и убытки. А какъ въ оную уступку включено было и мнимое право на помянутой малой пригорокъ, то стряпчїе тогожъ еще дня поладили между собою любовно, чтобъ пригорокъ посвятить великой *Өемисѣ*, посадить на немъ смоковное дерево, и подъ онымъ на общественномъ иждивенїи воздвигнуть статую вышереченной богинѣ сосновую, подведя красками подъ цвѣтъ камня. Равномѣрно подъ споручительствомъ Абдерскаго Сената положено, чтобъ хозяева обоихъ урочищъ на вѣчныя времена обязаны были, объ оной статуѣ вмѣстѣ и о смоковномъ деревѣ имѣть общее попеченїе. Почему послѣднее въ весьма цвѣтущихъ,

а первая въ весьма обветшалыхъ и червоточныхъ обстоятельствахъ, для вѣчнаго воспоминанія о достопамятной нѣкогда тяжбѣ, видны были еще и во время новой тяжбы, нами повѣствуемой.

Другой споръ по видимому находился еще въ ближайшемъ отношеніи къ настоящему. Одинъ Абдеритъ, по имени Памфъ, владѣлъ дачею, коей главная пріятность состояла въ томъ, что она съ югозападной стороны имѣла великолѣпной видъ въ прекрасную долину, которая простиралась промежъ двухъ лѣсами покрытыхъ горъ, вдали становилась узкою, и на конецъ терялась въ Эгейское море. Памфъ часто говаривалъ, что онъ сего вида не продастъ ни за сто аттическихъ талан-

товѣ; и онъ имѣлъ причину цѣнить его толь высоко потому наипаче, что дача была сама по себѣ весьма маловажная, и никто; обращая вниманіе единственно на пользу, не далъ бы ему за оную и пяти талантовъ. По нещастію одинъ довольно зажиточной Абдеритской крестьянинъ, жившій по сосѣдству съ нимъ на той же юго-западной сторонѣ, почелъ за нужное построить житницу, которая у Памфа отняла толь великую часть его вида, что дача, по его расчету, по крайней мѣрѣ 80 талантами стала дешевлѣ. Памфъ употреблялъ всѣ возможные способы, дабы сосѣда своего миролюбно и безъ хлопотъ удержать отъ сей роковой постройки. Однако крестьянинъ настоялъ въ своемъ пра-

вѣ, что онъ можетъ наслѣдственной удѣлъ земли застроить, какъ и гдѣ ему угодно. Дѣло дошло до суда. Памфъ хотя не могъ доказать, что спорной видъ есть необходимая и существенная принадлежность его дачи; или что онъ тѣмъ лишенъ воздуха и свѣта; или, что его дѣдъ, купившій оную для своей фамиліи, за помянутой видъ заплатилъ хотя одну драхму болѣе, нежели сколько дача по *тогдашней цѣнѣ* сама по себѣ стоила; ниже могъ доказать того, что сосѣдъ его, крестьянинъ, состоитъ у него въ какой либо зависимости, въ силу которой имѣлъ бы онъ право сломать его постройку. Однако *стряпчей* его утверждалъ, что основанія къ рѣшенію сего дѣла сокрываются го-

раздо глубочае, и долженствують непосредственно почерпнуты быть изъ первоначальнаго источника всякаго права собственности. Естьлибъ воздухъ не былъ вещество прозрачное, говорилъ стряпчей: то хотябъ Елисейскія поля и самой Олимпъ лежалъ насупротивъ дачи моего препоручителя, онъ видѣлъ бы его столь мало, какъ будтобъ предъ его окнами непосредственно воздвигнута была стѣна, досязающая до самаго неба. И такъ прозрачное свойство воздуха есть коренная и истинная причина прекраснаго вида, отъ котораго дача моего препоручителя получаетъ пріятность и такъ сказать жизнь. А понеже всякому извѣстно, что всякой прозрачной воздухъ есть одинъ изъ общественныхъ

предметовъ, на кои первоначально всѣ имѣютъ одинаковое право, то каждая еще ни отъ кого не занятая частица онаго, должна почитаема быть ничьею, или вещїю, никому еще собственно не принадлежащею, которая слѣдственно дѣлается собственностїю перваго, кто оную занимаетъ. Съ незапамятуемыхъ временъ предки истца моего прїобрѣли съ дачею вмѣстѣ и спорной видъ, онымъ владѣли, и пользовались безпрепятственно и неприкосновенно. По чему они потребную къ тому частицу воздуха дѣйствительно *своими глазами* занимали, которая по сему занятїю равно какъ и по владѣнїю съ незапамятуемаго времени учинилась собственно принадлежностїю многократно упомянутой дачи,

у которой оную частицу воздуха не можно ни малѣйше отнять, не нарушивъ основанiй всякаго гражданскаго порядка и всякой общественной безопасности. — Сенатъ Абдерскiй нашелъ сiи доводы весьма сомнительными; долго происходили споры въ защищенiе и опроверженiе ихъ со всякою тонкостiю; и поелику Памфъ спустя нѣсколько времени выбранъ былъ въ Совѣтъ, то дѣло по видимому становилось гораздо завязчивѣе, и доводы его отъ времени до времени отъ часу *сомнительнѣе*. Крестьянинъ умеръ не дождавшись окончанiя тяжбы; и наслѣдники его примѣтя, что такiе бѣдные крестьяне, каковы они, противъ толь великаго боярина, каковъ былъ совѣтникъ Абдер-

ской, ничего выиграть не могутъ, согласились наконецъ по увѣщанію своего стряпчаго на условіе, по силѣ котораго они заплатя за издержки на тяжбу отступились отъ постройки спорной житницы тѣмъ паче, что они — не имѣли уже къ тому денегъ, и тяжба высосала изъ наслѣдственной ихъ земли столь много, что они и не имѣли уже нужды ни въ какой новой житницѣ, для сбереженія тѣхъ немногихъ плодовъ, которые имъ еще разводить осталось.

Хотяжъ довольно явствовало, что оба сіи прошедшія дѣла къ рѣшенію настоящаго весьма мало подавали объясненія; особливо по тому, что ни въ одномъ изъ нихъ не сказано ничего опредѣлительнаго,

но оба достигли конца своего посредствомъ миролюбнаго соглашенія: однако Совѣтникъ, оныя предложившій, казалось, не хотѣлъ ихъ ни къ чему другому употребить, какъ для показанія Сенату, что оба сіи дѣла какъ въ разсужденіи *важности предмета, такъ и тонкости доводовъ* весьма сходствуетъ съ тяжбою объ ослѣ, многіе годы сряду разбираемы были Абдерскимъ малымъ Совѣтомъ, а ни одному не вспало на умъ, перенести оныя въ Совѣтъ верховной, или по крайней мѣрѣ усомниться, имѣетъ ли малой Совѣтъ право и власть рѣшить дѣла такого рода.

Всѣ *ослы* подкрѣпляли сіе мнѣніе своего сообщника тѣмъ съ сильнѣйшимъ жаромъ, что большинство голосовъ потяну-

ло бы на ихъ сторону, когдабъ дѣло разсматривано было въ главномъ Совѣтѣ; однакожъ по сему самому тѣни гораздо упорнѣе настояли въ своемъ мнѣнiи.

Цѣлое утро препровождено было въ спорахъ и крикѣ; и Члены наконецъ (какъ часто съ ними случалось) во время обѣда разошлись бы ничего не сдѣлавъ, естьлибъ множество простыхъ гражданъ отъ *стороны тѣней*, собравшееся по поводу цеховаго мастера Пфрима предъ Сенатомъ, и усиленное толпою сбѣжавшейся черни не способствовало напослѣдокъ къ развязкѣ всего дѣла. Партiя настоятельская жаловалась потомъ на цеховаго мастера, что будто бы онъ умышленно подходилъ къ окну, и знаками под-

стрекалЪ народЪ кЪ возмущенїю. Однако противная сторона отклоняя вообще сїе обвиненїе, утверждала: что необычайной крикЪ, поднятой вдругЪ *нѣкоторыми ослами*, заставилЪ собравшихся внизу гражданЪ думать, не произошло ли защитникамЪ ихЪ какой обиды, и сїе то заблужденїе было причиною всего шуму.

Но какЪ *бы то ни* было, вдругЪ громкїе и грубые голоса отдались вЪ окнахЪ Сената: *свобода, свобода! да здравствуетЪ цеховой мастерЪ Пфримъ! ПрочьословЪ! прочь Язоновыхъ потомковЪ!* и т. д.

АрхонтЪ подступя кЪ окну уговаривалЪ бунтовщиковЪ, чтобЪ они успокоились, однако они подняли крикЪ еще болѣе; и самые дерзскїе изЪ нихЪ

угрожали, что тотчасъ зажгутъ Сенатъ, естьли Члены немедленно не разойдутся, и не предоставятъ дѣло главному Совѣту и народу. Нѣкоторые безпутные мужики и развращенныя бабы ворвались дѣйствительно силою въ сосѣдніе домы, и схватя съ очаговъ горящія головни, возвращались съ ними, дабы Господамъ Совѣтникамъ показать, что они не шутятъ своими угрозами.

Между тѣмъ на шумъ, отъ сего произшедшій, сбѣжалось множество *ословъ*, кои партіи своей спѣшили на подмогу съ дубьемъ, ухватами, кочергами, мясничьими ножами, навозными вилами, и что кому въ руки попалось; а хотя ихъ противъ тѣней было числомъ гораздо менѣе; однакожъ побуждаемы

будучи отважностію и презрѣніемъ, съ каковымъ смотрѣли они на всю партію тѣней, отвѣчали они на словесныя обиды толь сильными ударами и совками, что многимъ головы разбили до крови, и въ нѣсколько минутъ драка началась между всѣми.

При таковыхъ смутныхъ обстоятельствахъ конечно въ комнатѣ засѣданія не оставалось ничего инаго дѣлать, какъ *единогласно* опредѣлить: что Сенатъ, единственно изъ любви къ миру и для общаго блага, на сей разъ по *предварительному приговору* соглашается, чтобъ тяжба о тѣни ослиной перенесена была въ главной Совѣтъ, и предоставлена его рѣшенію.

Однако бѣдные Совѣтники такъ струсили, что какъ скоро сочинено было помянутое опредѣленіе, то съ распростертыми руками умоляли цеховаго мастера Пфрима, сойти въ низъ, и успокоить раздраженной народъ. А хотя онъ отъ великой радости, что могъ гордыхъ Патриціевъ покорить себѣ подъ ноги, не замедлилъ показать имъ опытъ своего благоволенія и важности своей въ народѣ; однако смятеніе уже такъ усилилось, что голосъ его, хотя почитался однимъ изъ самыхъ лучшихъ пиворѣзныхъ во всей Аблерѣ, столь же мало слышанъ былъ, какъ крикъ матроса на мачтѣ при бурной погодѣ съ громомъ, и при шумѣ ударяющихся одной объ другую свирѣпыхъ волнъ.

В первомъ бѣшенствѣ, которымъ чернь (не вдругъ его узнавъ) обуяла, онъ не могъ бы спасти своей жизни, естьлибъ по щастію настоятель *Агатирсъ* — сію случайную тревогу почитая за минуту способнѣйшую, сразить своихъ противоборниковъ — не полоспѣлъ съ *позолоченною овчиною*, названною отъ него *златымъ руномъ*, на длинномъ шестѣ, и со всѣмъ своимъ духовенствомъ, для воспрепятствованія совершенному бунту; ибо онъ увѣрялъ чернь, что ей удовлетворено будетъ, и что онъ самъ первой предложитъ о томъ, дабы дѣло разсматривано было въ большемъ Совѣтѣ.

Сїе публичное увѣренїе настоятеля, его снисхожденїе и привѣтствїе вмѣстѣ съ благо-

говѣнїемъ, которое Абдерской народъ къ златому руну обыкновенно оказывалъ, произвело столь хорошїй успѣхъ, что въ нѣсколько минутъ все по прежнему стало спокойно, и по всей площади громко раздавалось: да здравствуетъ настоятель Агатирсъ! Израненные побрели нога за ногу домой, дабы обвязать себѣ головы. Прочая толпа пошла въ слѣдъ за возвращающимся настоятелемъ. Цеховой же мастеръ къ досадѣ своей видѣлъ, что большая часть *тѣней*, которыя прежде съ вѣрностїю были ему преданы, заразясь отъ противной сволочи, увеличивала побѣду его соперника, и въ семъ огорченїи легко бы могъ доведенъ быть до того, чтобъ всю месть, приготовленную отъ

него не за долго предъ тѣмъ мнимымъ его непрїятелямъ, *осламъ*, обратить уже на собственныхъ своихъ друзей, то есть, на *тѣни*.

ГЛАВА IX.

Политика обѣихъ сторонъ. Настоятель простираетъ успѣхъ свой далѣе. Тѣни уступаютъ. Назначается рѣшительной день.

Таковой неожиданной успѣхъ настоятеля въ разсужденїи *тѣней* оскорбилъ сихъ послѣднихъ весьма чувствительно, поелику не токмо помрачилъ ихъ радость и славу по случаю одержанной ими въ Сенатѣ побѣды, но и примѣтно ослабилъ самую ихъ сторону, и вообще далъ имъ возчувствовать, сколь мало мо-

гутъ они полагаться на подкрѣпленіе легкомысленной черни, которая склоняется туда, куда вѣтръ подуетъ, и рѣдко знаетъ прямо, чего она сама хочетъ, а еще менѣе знаетъ, что съ нею хотятъ сдѣлать тѣ, кои оною управляютъ.

Агатирсъ, которой уже явно признанъ былъ главою ословъ, развѣдалъ чрезъ своихъ соглядатаевъ, что противная партія ничѣмъ столько у простыхъ гражданъ не выигрывала, какъ сопротивленіемъ, оказываннымъ сначала защитниками погонщика ословъ, дабы дѣло не предлагать большему совѣту.

Поелику сей Совѣтъ состоялъ изъ *четырехъ сотъ* мужей, кои почитались особами, представляющими лицо всего гражданства Абдерскаго, и по-

чти до половины были единственно торгаши и промышленники: то каждой простолюдимъ думая, что его право ограничить хотятъ, находилъ себя лично обиженнымъ; и тѣмъ удобнѣе могъ повѣрить вымышленному обману цеховаго мастера Пфрима, что цѣлію имѣютъ испровергнуть правленіе народное.

Въ самомъ дѣлѣ то, что въ постановленіи Республики Абдерской казалось демократическимъ, было токмо пустой блескъ и политическая уловка. Ибо малой Совѣтъ, котораго двѣ трети изъ древнихъ поколѣній состояли, дѣлалъ собственно все то, что ему хотѣлось; и случаи, въ которыхъ *четыреста* мужей созываемы быть долженствовали, были въ

главномъ Абдерскомъ законѣ такъ не опредѣлены и худо истолкованы, что почти совершенно отъ мнѣнія малаго Совѣта зависѣло, когда и сколь часто надлежало созывать оныхъ четырехъ сотъ мужей, дабы на то, что уже первой рѣшилъ, подать свое согласіе. А какъ сіе право и преимущество Абдерскихъ гражданъ весьма мало значило, то и защищали они его тѣмъ ревностнѣе; и тѣмъ нужнѣе было, скрывать отъ народа помочи, на которыхъ его водили, между тѣмъ какъ оной думалъ, что одинъ самъ собою ходитъ.

И такъ со стороны настоятеля была прямо хитрая выдумка, что онъ вдругъ и въ ту минуту, когда дѣйствіе оной выдумки долженствовало

быть нечаянно и рѣшительно, предоставилъ на произволъ народа такое дѣло, которое отъ него почиталось весьма важнымъ. И поелику онъ, вмѣсто того, чтобъ самому отважиться на что нибудь, разстроилъ планъ противной партіи: то сія послѣдняя имѣла всѣ причины помышлять тогда о новыхъ средствахъ и способахъ, какъ бы настоятеля съ приверженными къ нему лишить надежды, и загладить благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ въ простомъ народѣ.

Предводители *тѣней* того же еще вечера собрались въ домъ госпожи Салабанды и положили: вмѣсто того чтобъ требовать у Архонта, скорѣе назначить день къ созванію *четырехъ сотъ* членовъ, ста-

раться паче (когда будетъ нужно), чтобъ оной отсроченъ былъ, дабы народу дать время къ прохлажденію своего жару; между тѣмъ же подъ рукою и со всякимъ хладнокровіемъ убѣждать гражданъ, сколь бы они глупы были, естьлибъ усердіе настоятеля съ его соучастниками вмѣнили въ заслугу, когда оное произходитъ не изъ доброй воли, но единственно можетъ назваться принужденнымъ слѣдствіемъ слабости. Естьлибъ *ослы* были въ силахъ, не допустить тяжебнаго дѣла до большаго Совѣта, тобъ они не приминули учинить сего, не безпокоясь ни мало, угодно ли то народу или нѣтъ. Нечаянная перемѣна въ прежнемъ ихъ всему городу извѣстномъ поступкѣ есть столь

грубая хитрость, къ поселенію въ народѣ несогласія, что отнюдъ обмануться не можно. Но тѣмъ паче надлежитъ теперь остерегаться, поелику очевидно предпріятъ умыслъ заманить народъ льстивыми словами и непримѣтно его довести до того, чтобъ онъ въ слѣпотѣ сдѣлался орудіемъ собственнаго своего притѣсненія.

Главной жрецъ, которой при семъ совѣщаніи присутствовалъ, хотя одобрялъ все, что можно сдѣлать, для уменьшенія силы и важности его совмѣстника между гражданами, и для приведенія видовъ его въ подозрѣніе: „Однако я весьма сомнѣваюсь, примолвилъ онъ, чтобъ мы пожали ожидаемые плоды. Я готовлю ему другой щолокъ, которой гораздо ост-

рѣе, и тѣмъ лучше будетъ дѣйствовать, когда со всѣмъ нечаянно польется ему на голову. Еще не время, чтобъ я открылся яснѣе. Дайте мнѣ только волю! Пусть онъ нѣсколько минутъ польститъ себя надеждою, что жреца Стробила въ торжествѣ поведетъ за собою! Радость его продлится не долго, въ томъ положитесь на меня! Между тѣмъ, когда мы, какъ надѣюсь, будемъ другъ другу вѣрны, и когда дѣйствительно рѣшились, одержать побѣду надъ нашими непріятелями, то надлежитъ намъ быть скромными въ разсужденіи того, что я намѣкнулъ вамъ о тайномъ моемъ предпріятіи и въ свое время открою. Агатирсъ долженъ быть обезабоченъ. Пусть онъ

думаетъ, что мы защищаемъ себя слабо, и что всѣ наши виды основываются на упованіи нашемъ, получить перевѣсъ въ большемъ Совѣтѣ." Каждой нашелъ, что главной жрецъ передумалъ о дѣлѣ весьма здраво, и компанія разошлась, не терпѣливо желая узнать, какой бы то былъ планъ противъ настоятеля, но при томъ и весьма удостовѣрилась, что ежели оной клонится къ низложенію послѣдняго, то не можетъ никому отданъ быть въ лучшія руки, какъ жрецу Стробилу.

Тѣмъ временемъ *Агатирсъ* не преминулъ, отъ малой побѣды, которую онъ свойственнымъ ему присутствіемъ духа одержалъ толь кстати надъ своими противниками, воспользоваться всѣми возможными вы-

годами. Онъ между толпами простаго народа, провожавшими его до самаго его жилища, велѣлъ раздать хлѣба и вина, и по важномъ увѣщанiи къ нимъ быть спокойными, отпустилъ ихъ по домамъ; гдѣ они предъ своими сосѣдями и знакомыми не могли довольно нахвалиться его ласковостiю и щедростiю. Хотяжъ онъ о свойствѣ Республикъ имѣлъ толь хорошее понятiе, что *не могъ пренебрегать благосклонность черни*; однакожъ видѣлъ, что чрезъ нее прiобрѣлъ еще *не много*. Всего для него нужнѣе было снискать совершенную довѣренность большей части помянутыхъ *четырехъ сотъ* мужей: вопервыхъ потому, что отъ нихъ все зависѣло; во вторыхъ, что когда они будутъ къ нему

привержены, то посредствомъ ихъ болѣе, нежели чрезъ прочихъ въ народѣ произвести будетъ можно. Онъ подобралъ уже изъ нихъ нарочитую къ себѣ партiю; однакожъ кромѣ нѣкотораго числа явно признанныхъ и ревностныхъ *тѣней*, съ коими онъ не могъ поладить, находилось еще весьма много — состоявшихъ большею частiю изъ самыхъ зажиточныхъ и именитыхъ граждань — кои либо со всѣмъ еще не принадлежали ни къ чьей сторонѣ, либо для того токмо расположены были къ тѣнямъ, что предводители противной стороны описываны были властолюбивыми и любостяжательными людьми, расположившими всю сiю смѣшную объ ослѣ тяжбу единственно

на тотъ конецъ, чтобъ городъ привести въ замѣшательство, и употребить безпокойства, коихъ сами они виновники, предлогомъ и орудіемъ честолюбивыхъ своихъ видовъ.

Сихъ людей преклонить на свою сторону казалось ему столько же легко, сколько и рѣшить побѣду его партіи. Онъ того же еще вечера велѣлъ всѣхъ ихъ позвать къ себѣ въ гости. Большая часть явилась; и *настоятель*, которой имѣлъ особое дарованіе, покрывать политику свою лакомъ откровенности и чистосердечія, не утаилъ ни мало, что онъ просилъ ихъ къ себѣ для того, дабы съ помощію толь праводѣтельныхъ и разумныхъ мужей искоренить предразсудки, поселенные, какъ онъ слышалъ,

противъ него въ гражданахъ. „Въ дѣлѣ между *погонщикомъ ословъ* и *зубнымъ лѣкаремъ*, въ дѣлѣ такомъ, гдѣ рѣчь идетъ единственно о *тѣни ослиной*, поставлять человѣка въ его санѣ начальникомъ какой либо партїи, кажется ему толь смѣшно, что ему никогда не вспадетъ и на мысль, отклонять отъ себя оную сумазбродную укоризну. Между тѣмъ бѣдной Антраксъ есть защищенной пришлецъ, къ Язонову храму принадлежащїй, и потому не могъ онъ отказать ему въ заступленїи, сколько требуетъ того справедливость. Безъ извѣстной буйной продерзости цеховаго мастера Пфрима, которой не кстати снялъ на себя стряпческую должность въ пользу зубнаго лѣкаря — не по тому, чтобъ

сей имѣлъ право, но по тому только, что въ цехъ сапожничей причисленъ — помянутое маловажное дѣло никогда бы не могло дойти до такихъ околичностей. Естьлижъ огонь возгнѣщенъ будетъ, то найдутся всегда такіе люди, кои его раздувать и питать станутъ. Онъ съ своей стороны сдѣлалъ себѣ навсегда закономъ, ни во что не мѣшаться, что до него не касается. Поступокъ же его, что онъ *опасной мятежъ*, воздвигнутой сего утра отъ единомышленниковъ цеховаго мастера предъ Ратушею, укротилъ своимъ прибытіемъ и ласковыми увѣщаніями, уповательно ни отъ одного здравомыслящаго гражданина не будетъ растолкованъ присвоеніемъ власти, но паче подвигомъ добраго гра-

жданина и патріота. А особливо когда сану жреца всегда приличнѣе; водворять миръ и утишать безпокойства, нежели возливать на огонь масло, какъ извѣстно о нѣкоторыхъ, коихъ онъ называть поимянно не имѣетъ нужды. — Впрочемъ онъ не отрицаетъ, что — поелику дѣло о тѣни ослиной въ первомъ судѣ уже испорчено и возрасло *до такой тяжбы*, въ которой вся Абдера такъ сказать принуждена брать участіе, — то онъ желалъ бы, чтобъ оное какъ можно скорѣе представлено было главному Совѣту; не для того, чтобъ бѣдной Антраксъ получилъ надлежащее удовлетвореніе (хотя не льзя сомнѣваться, чтобъ въ семъ верховномъ судилищѣ было ему отказано въ ономъ), сколь-

ко для того, чтобъ необузданному своевольству крючкотворцевъ напослѣдокъ какимъ либо сообразнымъ закономъ положить предѣлы, и такія тяжбы, кои городу Абдерѣ мало дѣлаютъ чести, впредь отвращать сколько возможно будетъ,"

Агатирсъ все сїе произнесъ съ такимъ равнодушїемъ и умѣренностїю, что гости его не могли довольно надивиться несправедливости тѣхъ, кои толь благонамѣреннаго пастыря хотѣли оклеветать, якобы онъ былъ главнымъ виновникомъ вышеобъявленныхъ волненїй. Они всѣ совершенно удостовѣрились въ противномъ; и ему пощастливилось въ нѣсколько часовъ, сихъ добренькихъ людей, кои сами того не примѣчали, и все еще почита-

ли себя безпристрастными, превратить въ толь хорошихъ *ословъ*, каковыхъ можетъ быть въ Абдерѣ рѣдко бывало; особливо когда превосходныя вина, которыми онъ угощалъ ихъ за ужиномъ, совсѣмъ загладили каждую тѣнь недовѣрчивости, и открыли каждаго сердце къ принятїю всѣхъ впечатлѣнїй, въономъ производимыхъ.

Легко себѣ представить можно, что сїе предпрїятїе Агатирсово не мало обезпокоило противную сторону. Поелику между тою частїю гражданъ, которая доселѣ оставалась хладнокровною, причинена была чрезъ то перемѣна въ мысляхъ, и вскорѣ по томъ стала весьма примѣтною, всѣ усилїя противъ того, съ сугубымъ жаромъ употребляемыя, не токмо бы-

ли неудачны, но и сопровождались противнымъ дѣйствіемъ, и злонамѣреніе *тѣней* въ сравненіи съ кроткимъ и патріотическимъ мыслей расположеніемъ Прелата обнаруживалось тѣмъ очевиднѣе; то помянутыя тѣни находились бы въ крайнемъ недоумѣніи, что имъ дѣлать надлежало, дабы опять поддержать совсѣмъ почти упадшую свою партію, естьлибъ жрецъ Стробилъ не ободрилъ ихъ увѣреніемъ, что какъ скоро назначенъ будетъ судебной день, то онъ исчадію Язонову (ибо такъ онъ обыкновенно его называлъ) приготовитъ такія сѣти, отъ которыхъ онъ со всею своею хитростію конечно не увернется, и дѣло чрезъ то получитъ совсѣмъ иной оборотъ.

Гени жъ, казалось, такъ присмирѣли, что Агатирсъ съ приверженными къ нему особами, сіе видимое уныніе могъ весьма вѣроятно приписать малой надеждѣ, которая оставалась для нихъ по двукратно одержанной надъ ними побѣдѣ. Почему они усугубили стараніе свое, дабы у *Архонта Оно-лая* (котораго сынъ былъ короткой *пріятель настоятелю*, и одинъ изъ самыхъ решивыхъословъ), исходатайствовать скорѣе день для собранія главнаго Совѣта; и по усильной прозьбѣ ихъ положено наконецъ, чтобъ сей торжественной обрядъ начался пять дней спустя послѣ засѣданія въ Совѣтѣ.

Тѣ, кои о добротѣ плана или предпріятыхъ мѣръ привыкли судить по послѣдствію,

станутъ можетъ быть безпечность настоятеля при внезапномъ бездѣйствіи своихъ противниковъ вмѣнять ему въ недостатокъ благоразумія и предусмотрительности, въ которомъ мы его всеконечно не совсѣмъ оправдать можемъ. Мы не отрицаемъ, что онъ осторожнѣе бы поступилъ, когдабъ сіе бездѣйствіе приписывалъ паче важнымъ затѣямъ, которыя въ тишинѣ приводимы были въ зрѣлость, нежели отчаянію. Однако одна изъ погрѣшностей сего Язонова потомка состояла въ томъ, что онъ, по живому чувствованію собственной своей силы, презиралъ соперниковъ своихъ всегда болѣе, нежели позволяло благоразуміе. Онъ почти всегда поступалъ подобно тому, которой почи-

таетъ не стоющимъ труда смѣкнуть, сколько ему непрїятели его вредить могутъ, будучи вообще удостовѣренъ, что онъ никогда не будетъ имѣть недостатка въ средствахъ отразить пускаемыя въ него стрѣлы. Между тѣмъ же въ настоящемъ случаѣ догадываться можно, что тысяча другихъ на его мѣстѣ, и при толь благопрїятныхъ видахъ, думали бы такъ какъ онъ, что весьма хорошо сдѣлаютъ, когда воспользуются доброю волею новыхъ друзей своихъ, пока она не простыла, и когда не дадутъ непрїятелямъ своимъ времени, опять собраться съ силами.

Послѣдствїе, не соотвѣтствовавшее его ожиданїю, произошло отъ выдумки жреца Стробила, которую настоятель

при всемъ своемъ благоразумiи никакъ предвидѣть не могъ; и которая сколь ни сродна была характеру онаго жреца, имѣла однакожъ такое свойство, что только непосредственнымъ опытомъ можно бы было дойти до того, дабы почесть его къ ней способнымъ.

ГЛАВА X.

Козни, жрецомъ Стробиломъ устрояемыя своему товарищу. Созывъ десяти мужей. Настоятеля требуютъ въ собранiе, но онъ находитъ способы, отъ сего позыву весьма удачно отдѣлаться.

За день предъ тѣмъ, какъ тяжбу о тѣни ослиной, повергшую съ нѣсколькихъ недѣль нещастной городъ Абдеру въ не-

обозримыя безпокойства, надлежало рѣшить въ верховномъ Совѣтѣ, главный жрецъ Стробилъ, съ двумя другими жрецами Латониными и разными особами отъ народа пришелъ въ великомъ движенiи духа и съ торопливостiю рано поутру къ Архонту Онолаю, дабы его извѣстить объ одномъ чудномъ знаменiи, которое (какъ не безъ весьма основательной причины опасаться надлежало) угрожаетъ республикѣ какимъ то великимъ злоключенiемъ.

А именно двѣ ночи сряду предъ сею послѣднею нѣкоторыя къ Латонину храму принадлежащiя особы слышали, что *лягушки* въ *освященномъ прудѣ*, вмѣсто обыкновенной своей симфонiи *врекекекъ ква, ква*, которая впрочемъ есть имъ общая

со всѣми другими лягушками натуральными, даже и съ тѣми, кои въ *блатахъ Стигійскихъ* обитаютъ (какъ изъ *Аристофана* видѣть можно), издавали необыкновенные и жалостные тоны; хотя помянутые люди не осмѣливались подойти такъ близко, чтобъ оные точно можно было распознать. По показанію, ему, главному жрецу, вчера ввечеру о томъ сдѣланному, нашелъ онъ сіе обстоятельство довольно важнымъ, дабы съ подчиненнымъ ему священствомъ всю ночь препроводить при ономъ священномъ прудѣ. До полуночи царствовала въ немъ глубочайшая тишина; но послѣ того внезапно поднялся изъ пруда глухой нещастіе предвѣщающій стонъ; и какъ они подступили ближе,

то всѣ могли весьма ясно различить тоны: горе! горе! увы! увы! Сей жалостной стонъ продолжался цѣлой часъ, и кромѣ жрецовъ слышанъ былъ еще отъ всѣхъ тѣхъ, коихъ онъ привелъ яко свидѣтелей толь неслыханнаго чуда. А какъ нѣтъ сомнѣнія, что богиня любимой свой доселѣ городъ Абдеру вознамѣрилась симъ грознымъ и исполненнымъ чудесъ знаменіемъ либо предохранить отъ какого либо предстоящаго великаго бѣдствія, или можетъ быть потребовать токмо для изслѣдованія и наказанія какого либо еще втайнѣ кроющагося преступленія, могущаго гнѣвъ боговъ навлечь на весь городъ: то онъ по силѣ своего сана и именемъ Латоны проситъ его великомочіе, Архонта, неме-

дленно созвать *совѣтъ въ числѣ десяти мужей*, дабы объ ономъ обстоятельствѣ соотвѣтственно его важности передумать, и предпринять дальнѣйшія мѣры, таковымъ происшествіемъ требуемыя.

Архонтъ, о которомъ молва неслась, что онъ въ разсужденіи священныхъ лягушекъ довольно согласенъ былъ съ вольнодумствомъ *Демокритовымъ*, покачалъ при семъ предложеніи головою, и стоялъ нѣсколько времени, не отвѣчая жрецамъ ни слова. Однако по ревности, съ каковою оные Господа представляли о помянутомъ дѣлѣ, и по странному впечатлѣнію, произведенному уже въ нѣкоторыхъ достопочтенныхъ особахъ свѣтскихъ, могъ онъ легко предвидѣть, что въ нѣсколько ча-

совъ мнимое диво промчится по всему городу, и послужитъ поводомъ къ ужаснѣйшимъ нареканіямъ, на которыя ему не льзя будетъ смотрѣть равнодушно. И такъ не оставалось ему ничего болѣе, какъ тогдажъ въ присутствіи жрецовъ дать повелѣніе, чтобъ *десять мужей* по причинѣ чрезвычайнаго происшествія собрались чрезъ часъ въ храмъ Латонинъ.

Между тѣмъ по всякимъ мѣрамъ главнаго жреца, слухъ о страшномъ знаменіи, три ночи сряду въ рощѣ Латониной слышанномъ, распространился уже по всей Абдерѣ. Друзья настоятеля Агатирса, кои не столь были просты, чтобъ обмануться представленіемъ такихъ фокусовъ покусовъ, весьма тѣмъ огорчены были, пое-

лику они не сомнѣвались, чтобъ противъ стороны ихъ не сокрывался тутъ какой нибудь злой умыселъ. Разные молодые кавалеры и дамы первой степени вздумали надъ мнимымъ чудомъ повеселиться, и подобрали компанію, дабы въ слѣдующую ночь послушать трагическую музыку въ лягушечьемъ прудѣ Латониномъ. Однако въ простомъ народѣ и въ большей части знатныхъ особъ, кои въ таковыхъ дѣлахъ обыкновенно бываютъ повсюду простымъ народомъ, произвело изобрѣтеніе главнаго жреца совершенное свое дѣйствіе. Восклицанія Латониныхъ лягушекъ *горе, горе, увы*, вдругъ остановили всѣ гражданскія и хозяйственныя упражненія. Старики и молодые, бабы и ребята сбѣгались по улицамъ,

и съ поблѣднѣвшимъ отъ ужаса видомъ распрашивали о всѣхъ обстоятельствахъ чуднаго явленія. И какъ почти каждой думалъ, что онъ о томъ слышитъ изъ собственныхъ устъ первыхъ свидѣтелей, также поелику впечатлѣніе, таковыми вѣстями въ слушателяхъ производимое, бываетъ обыкновенно натуральною для раскащика заманкою, всегда что нибудь прибавлять для прикрасы и для возбужденія большаго вниманія: то менѣе, нежели въ одинъ часъ чудо въ разныхъ сторонахъ города увеличилось страшными обстоятельствами такъ, что у людей отъ одного токмо слуху волосы становились дыбомъ. Нѣкоторые увѣряли, что *лягушки*, когда затянули роковую пѣсенку, *высовывали изъ*

пруда человѣчьи головы; другїе, что *онѣ имѣли пламенные глаза величиною съ грецкой орѣхъ*: еще другїе, что *въ тоже самое время разныя страшныя привидѣнїя, издавая стонъ и вопль, бродили по рощѣ*; иные опять, что *при ясномъ небѣ сверкала надъ прудомъ молнїя и гремѣлъ громъ*; и наконецъ *нѣкоторые слышавъ собственными ушами* утверждали заподлинно, что они весьма ясно слова: *горе тебѣ Абдера!* однократно различить могли. Кратко сказать, сїе диво переходя изъ устъ въ уста, уже само на себя болѣе не походило, и оному тѣмъ болѣе вѣрили, чѣмъ нелѣпѣе, несогласнѣе и невѣроятнѣе были о томъ сказки. И какъ вскорѣ потомъ примѣчено, что десять мужей

въ необыкновенное время съ великою торопливостію и съ безпокойствомъ, на лицахъ изображеннымъ, поспѣшали къ храму Латонину; то никто болѣе не сомнѣвался, что весьма важныя происшествія постигли судьбу Абдеритовъ, и весь городъ трепеталъ ожидая послѣдствія.

Совѣтъ *Десятиначальниковъ* состоялъ изъ Архонта, четырехъ старшихъ Совѣтниковъ, двухъ старшихъ цеховыхъ мастеровъ, главнаго жреца Латонина, и двухъ за священнымъ прудомъ смотрителей, и представлялъ достопочтеннѣйшее изъ всѣхъ судилищъ Абдеритскихъ. Всѣ дѣла, до религіи Абдеритовъ касающіяся, находились подъ его вѣдомствомъ, и его важность была почти безпредѣльна

Издавна замѣчено, что умные люди съ долготою лѣтъ обыкновенно становятся разсудительнѣе, а глупые подъ старость безсмысленнѣе. По чему *Абдеритской Несторъ* рѣдко получалъ отъ того пользу, когда видѣлъ два или три племени при себѣ родившїяся; и можно было безъ ошибки предположить, что *Десятиначальники въ Абдерѣ*, взявъ середку на половинѣ, составляли Комитетъ самыхъ слабоумныхъ головъ во всей республикѣ. Они готовы были, сказки главнаго жреца принять за сущее дѣло, никакому противорѣчїю не подлежащее, такъ что выслушиванїе свидѣтелей почитали по видимому единственнымъ обрядомъ, которой сколько можно скорѣе окончить надлежитъ.

Стробилъ, нашедъ сихъ Господъ въ истиннѣ чуда уже напередъ удостовѣренными, не опасался ни мало приступить не теряя времени къ тому, для чего онъ принялъ на себя трудъ, выдумать всю басню.

„Съ первой минуты, говорилъ онъ, когда собственный слухъ мой былъ свидѣтелемъ сего чуднаго предзнаменованія, которое, могу сказать, въ лѣтописяхъ Абдеры никогда не имѣло себѣ подобныхъ, поселилась во мнѣ мысль, что оное можетъ быть есть предостереганіемъ богини отъ слѣдствій ея мщенія, обращающагося надъ головами нашими по какому либо тайному и ненаказанному преступленію; и сіе привело меня въ необходимость, высокодостойнаго Архонта побудить къ настоя-

щему собранію почтеннѣйшаго судилища Десятиначальниковъ. Что тогда было единственною догадкою, то за часъ предъ симъ превратилось въ достовѣрность. Преступникъ уже открытъ, и злодѣяніе доказано самовидцами, въ праводушіи которыхъ не льзя сомнѣваться, тѣмъ паче, что виновникомъ есть человѣкъ весьма знаменитой, и нѣкмо страхъ къ богамъ заставляетъ низкостепенныхъ людей выступить противъ него свидѣтелями. Почли ли бы вы, избранные мужи, сбыточнымъ то, чтобъ кто нибудь среди насъ былъ столь поползновенъ, дабы древнее наше, отъ первыхъ основателей сего города до насъ дошедшее, и чрезъ толь многія столѣтія ненарушимо соблюденное богослуже-

нїе, съ его обрядами и священными вещьми попрать ногами, и безъ всякаго уваженїя къ законамъ, общей вѣрѣ и правамъ сего города ругаться своевольно надъ тѣмъ, что для всѣхъ насъ свято и достопочтенно? Словомъ, можете ли вы повѣрить, что среди Абдеры жительство имѣетъ такой человѣкъ, которой вопреки буквальному смыслу законовъ, *содержитъ въ своемъ саду аистовъ, ежедневно питающихся лягушками изъ пруда богини Латоны и другихъ прудовъ освященныхъ?*„

Ужасъ и изумленїе при сихъ словахъ изобразились на лицѣ каждаго. По крайней мѣрѣ Архонтъ, дабы не подать о себѣ мысли, что онъ одинъ только себя отъ того исключаетъ,

долженъ былъ притворитися столькожъ испуганнымъ, сколько его товарищи дѣйствительно таковыми были. Возможно ли ли сіе? вскричали трое или четверо изъ старѣйшинъ въ одинъ голосъ; и кто бы былъ злодѣй, которой учинилъ себя виновнымъ въ таковомъ преступленіи?

„Извините меня, отвѣчалъ Стробилъ, когда васъ просить буду, смягчить сіе жестокое выраженіе. Я съ моей стороны соглашусь лучше повѣрить, что не безбожіе, но единственно легкомысліе, и то, что въ нынѣшнія времена, особливо съ тѣхъ поръ какъ Демокритъ разсѣялъ между нами свои плевелы, обыкновенно называется *Философіею*, есть источникомъ сего видимаго пренебреженія на-

шихъ священныхъ обрядовъ и чиноположеній. Сему я хочу, да и долженъ тѣмъ болѣе повѣрить, что тотъ, кто въ помянутомъ нечестіи единогласнымъ свидѣтельствомъ болѣе, нежели семи достовѣрнѣйшихъ особъ изобличенъ быть можетъ, есть самъ мужъ священнымъ саномъ облеченный, самъ жрецъ, словомъ, что это *потомокъ Язоновъ Агатирсъ*,,

Агатирсъ? возопили всѣ вдругъ изумленные Десятиначальники. Трое или четверо изъ нихъ поблѣднѣли, и казались быть въ крайнемъ замѣшательствѣ, что столь важную и знаменитую особу, съ которой домомъ находились они въ добромъ согласіи, видятъ замѣшанною въ толь богопротивное дѣло.

Стробилъ не далъ имъ времени опомниться. Онъ тотчасъ велѣлъ призвать свидѣтелей, кои выслушиваны были одинъ за другимъ; и открылось, что Агатирсъ всеконечно съ нѣкотораго времени держалъ въ садахъ своихъ двухъ аистовъ; что часто видали, какъ они летая надъ священнымъ прудомъ, таскали живущихъ въ немъ квакающихъ жителей, когда сїи возлѣ берега намѣревались посушиться на солнцѣ.

А хотя истинна обвиненїя по видимому не подлежала чрезъ то уже никакому сомнѣнїю: однакожъ Архонтъ Онолай думалъ, что благоразумїе требуетъ, для отвращенїя непрїятныхъ слѣдствїй, обойтись съ такимъ человѣкомъ, каковъ настоятель Язоновъ, какъ мож-

но осторожнѣе. И такъ онъ предложилъ только то, чтобъ дать ему со стороны Десятиначальниковъ знать съ ласковою учтивостію: „коимъ образомъ они согласны на сей разъ повѣрить, что дѣло, о которомъ доносится, произошло безъ его вѣдома; однакожъ по извѣстному имъ справедливому образу его мыслей надѣются, что онъ не укоснитъ *ни на минуту*, законопреступныхъ аистовъ выдать смотрителямъ священнаго пруда, и какъ Десятиначальникамъ, такъ и всему городу изъявить чрезъ то благопріятный опытъ уваженія къ законамъ и богослужебнымъ обрядамъ своего отечества„

Три голоса изъ девяти подкрѣпили предложеніе Архонтово: но Стробилъ съ прочими сопро

тивлялись тому съ великимъ жаромъ. Они утверждали; кромѣ того, что ни коимъ образомъ не можно одобрить излишняго снисхожденія къ гражданину Абдеритскому, уличаемому въ толь тяжкомъ преступленіи, требуетъ также судебной порядокъ, чтобъ его осудить не прежде, какъ онъ будетъ выслушанъ и допущенъ къ отчету. И такъ Стробилъ предлагалъ потомъ: настоятеля призвать, дабы онъ не медленно явился предъ десятовластное судилище, и далъ отчетъ въ приносимой на него жалобѣ; которое предложеніе не смотря на разныя противорѣчія большинствомъ шести голосовъ противъ четырехъ было принято. Почему настоятель со всѣми въ таковыхъ случаяхъ обыкно-

венными обрядами потребованЪ вЪ судЪ.

АгатирсЪ не былЪ непредуготовленЪ, какЪ повѣренные отЪ ДесятиначальниковЪ появились вЪ его домѣ. Послѣ того какЪ онЪ заставилЪ ихЪ болѣе часу дожидаться вЪ передней, впущены были они наконецЪ вЪ залу, гдѣ настоятель, во всемЪ своемЪ нарядѣ, сидя на высокихЪ изЪ слоновой кости сдѣланныхЪ креслахЪ, слушалЪ заикающагося оратора ихЪ сЪ великимЪ хладнокровіемЪ. Когда они все окончили, то онЪ далЪ знакЪ рукою одному служителю, стоявшему сЪ боку позади его креселЪ. Отведи сихЪ гостей, сказалЪ онЪ ему, вЪ садЪ, и покажи имЪ аистовЪ, о которыхЪ рѣчь идетЪ, дабы они препоручителямЪ своимЪ донес-

сти могли, что видѣли ихъ собственными своими глазами; потомъ приведи ихъ опять сюда. Повѣренные изумились; однако благоговѣнiе къ настоятелю обуздало языкъ ихъ, и заградило имъ уста. Они послѣдовали служителю молча, и какъ такiе люди, которымъ это весьма не по сердцу было. Когда они возвратились, то спросилъ ихъ Агатирсъ: видѣли ли они аистовъ? и когда они всѣ поклонясь отвѣтствовали, что видѣли, то продолжалъ онъ: такъ подитежъ, изъявите достопочтенному судилищу десятиначальниковъ мое привѣтствiе, и скажите тѣмъ, которые васъ послали: я даю имъ знать, что сiи аисты, такъ какъ и все прочее, въ пространствѣ храма Язонова обрѣтающееся, со-

стоятъ подъ покровительствомъ Язоновымъ; и что я присвоенїе права, требовать настоятеля сего храма для отчета, и судить его по Абдерскимъ законамъ, нахожу крайне смѣшнымъ и нелѣпымъ. Послѣ чего кивнулъ онъ имъ, чтобъ они вышли.

Сей отвѣтъ — котораго мудрые старѣйшины тѣмъ болѣе ожидать долженствовали, поелику имъ не безызвѣстно было, что Язоновъ храмъ съ своимъ священствомъ совсѣмъ не подчиненъ былъ вѣдомству города Абдеры — привелъ ихъ въ неописанное замѣшательство; и главной жрецъ Стробилъ воспламенился толь ярымъ гнѣвомъ, что въ запальчивости совсѣмъ уже не зналъ, что говорилъ, и напослѣдокъ кончилъ

угрозами, что вся республика разорится до основанія, естьли сію нестерпимую гордость мѣлкаго надутаго попа, которой (какъ онъ говорилъ) не стоитъ и того, чтобъ признавать его жрецомъ публичнымъ и обыкновеннымъ, не уничижить, и совершенно неудовлетворить оскорбленной Латонѣ.

Однако Архонтъ съ тремя своими совѣтниками отозвались: что Латонѣ, (къ лягушкамъ которой имѣютъ они впрочемъ подобающее благоговѣніе) не будетъ въ томъ никакой пользы, когда Десятиначальники выступятъ за предѣлъ своей власти. Я вамъ предсказывалъ то, говорилъ Архонтъ; но вы не хотѣли меня слушать. Естьлибъ мое предложеніе было принято, то я увѣренъ, что на-

стоятель отвѣтствовалъ бы намъ съ учтивостію, ибо кому ласковыя слова не пріятны? Но почтенной жрецъ думалъ, что онъ нашелъ случай, обнаружить настоятелю питаемую къ нему издавна ненависть; и теперь выходитъ на повѣрку, что онъ съ тѣми, кои возбуждены имъ къ неблаговременному рвенію, сдѣлалъ десятиначальному судилищу такое пятно, котораго всѣ воды рѣкъ Гебра и Неста во сто лѣтъ опять не смоютъ. Признаюсь, (примолвилъ онъ съ жаромъ, какого чрезъ многіе годы въ немъ не примѣтно было) что я уже усталъ отъ тяжкаго бремени управлять такою республикою, которая совершенно погубить себя хочетъ ослиною тѣнію и лягушками, и твердо вознамѣрился,

еще до завтрашняго дня сложить съ себя мою должность; но пока я оную еще въ рукахъ имѣю, то почтенной жрецъ, должны вы мнѣ отвѣчать за всѣ безпорядки и неустройства, какія съ сей минуты происходить будутъ по улицамъ въ Абдерѣ. За сими словами, кои весьма важнымъ взоромъ на пораженнаго *Стробила* сопровождены были, удалился Архонтъ съ треמя сотоварищами, и оставилъ прочихъ въ нѣмомъ изумленіи.

Что теперь дѣлать, сказалъ наконецъ главной жрецъ, которой неудачею своихъ затѣй не мало былъ встревоженъ; что теперь дѣлать, государи мои?

Мы право не знаемъ, сказали оба цеховые мастера и четвер-

той Совѣтникъ, и равномѣрно удалились; такъ что *Стробилъ* остался только съ двумя смотрителями за священнымъ прудомъ, и поговоря нѣсколько времени всѣ трое между собою, сами точно не зная, о чемъ говорили, согласились напослѣдокъ въ томъ рѣшенїи: чтобъ прежде всего у кого нибудь изъ смотрителей — пообѣдать, а потомъ посовѣтоваться съ друзьями и приверженными къ нимъ особами, что имъ дѣлать, дабы движенїе, въ которое народъ сего утра приведенъ былъ, склонить на предметъ, могущїй на ихъ сторон преклонить побѣду.

ГЛАВА XI.

Агатирсъ созываетъ преданныхъ къ себѣ. Содержанiе рѣчи къ нимъ. Онъ приглашаетъ ихъ къ торжественному жертвоприношенiю. Архонтъ Онолай хочетъ сложить съ себя свою должность. Безпокойство партiи настоятелевой о семъ намѣренiи. Какою хитростiю препятствуетъ она произведенiю онаго въ дѣйство.

Между тѣмъ *Агатирсъ*, какъ скоро повѣренные десяти старѣйшинъ отъ него удалились, велѣлъ немедленно созвать къ себѣ знатнѣйшихъ своихъ сообщниковъ въ Совѣтѣ и между гражданствомъ, со всѣми особами къ Язонову храму принадлежащими. Онъ расказавъ о томъ, что по наущенiю жреца

Стробила произошло между имъ и Десятиначальниками, представлялъ имъ, сколь нужно какъ для важности его стороны, такъ для чести и спасенія самаго города Абдеры, уничтожить замыслы сего коварнаго человѣка, и народу смѣшною сказкою о воплѣ лягушекъ приведенному въ волненіе, возвратить по прежнему здравой разсудокъ. Каждой весьма ясно видѣть можетъ, что *Стробилъ* сію басню выдумалъ только для того, дабы *приготовить* ту нелѣпую, но по причинѣ суевѣрныхъ предубѣжденій народа гораздо опаснѣйшую жалобу, которую онъ противъ него настоятеля произнесъ у вышепомянутыхъ властей, и дабы составить изъ оной важное дѣло, касающееся до благосостоянія всей респу-

блики. Но и сіе средство есть токмо единое, къ которому онъ въ отчаяніи прибѣгнулъ, дабы упадшую свою партію опять поднять на ноги, и отъ движеній въ городѣ, отъ того последовавшихъ, получить при наступающемъ рѣшеніи тяжбы о тѣни ослиной собственную пользу и одержать верхъ. А какъ по сей самой причинѣ легко предвидѣть можно, что безпокойной жрецъ изо всего того, что сего утра приключилось съ старѣйшинами, почерпнетъ новую матерію, дабы его, настоятеля, сдѣлать у народа ненавистнымъ, и въ нужномъ случаѣ даже воздвигнуть еще опаснѣйшій бунтъ; то онъ разсудилъ за благо, привести вѣрнѣйшихъ друзей какъ своихъ такъ и республики въ состоя-

нїе, чтобъ они народу, и всѣмъ, кои въ томъ имѣютъ нужду, вкоренили правильнѣйшїя понятїя о сегоднишнемъ происшествїи, и могущихъ произойти изъ онаго разныхъ слѣдствїяхъ. Что касается до аистовъ, то они сами собою прилетѣли безъ его содѣйствїя, и на одномъ деревѣ въ его саду свили гнѣздо. По мнѣнїю его онъ не имѣлъ права, имъ въ томъ воспрепятствовать; частїю по тому, что аисты съ незапамятуемыхъ времен у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ пользовались нѣкоторымъ родомъ священнаго гостепрїимства; частїю по тому, что свобода Язонова храма и покровительство сего бога простирается до всѣхъ одушевленныхъ и не одушевленныхъ вещей, находящихся во всѣмъ округѣ его

стѣнъ. Законъ, по которому Десятиначальники за нѣсколько лѣтъ предъ симъ изгнали аистовъ изъ владѣнія Абдеры, до него отнюдъ не касается; поелику къ вѣдомству сего судилища принадлежитъ единственно то, что относится къ служенію Латонѣ и его обрядамъ. И вообще извѣстно, что храмъ Язоновъ находится въ связи съ республикою по тому только, что сія при сооруженіи онаго публично обязалась, защищать его противъ всѣхъ насильственныхъ предпріятій враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, впрочемъ же оной совершенно и на всегда уволенъ отъ всякой подчиненности присудственнымъ мѣстамъ Абдеритскимъ, и отъ всякаго верховнаго повелительства самой рес-

публики. И такъ онъ, отклоненiемъ отъ себя неприличнаго зову ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ то, чего требовали его санъ и достоинство; на противъ того Десятиначальники симъ необдуманнымъ предпрiятiемъ, къ которому большинство ихъ рѣшилось по наважденiю *Стробилову*, привели его въ необходимость, требовать у республики противъ толь грубаго нарушенiя настоятельскихъ его преимуществъ, именемъ Язона и всѣхъ Язоновыхъ потомковъ, строжайшаго и совершеннѣйшаго удовлетворенiя. Слѣдствiя онаго дѣла гораздо важнѣе, нежели единомышленники цеховаго мастера *Пфрима и жреца Стробила* — вмѣстѣ съ лягушечьими смотрителями может быть себѣ

представляли. Златое руно, Язоновымъ поколѣніемъ яко самоважнѣйшее наслѣдство въ семъ храмѣ сберегаемое, съ нѣсколькихъ уже вѣковъ признаваемо и почитаемо было за чудотворный Палладіумъ города Абдеры. Почему Абдериты должны бы были предостеречь себя, дабы не предпринимать, ниже допускать какихъ либо поползновеній, по которымъ они собственною виною могли бы лишиться того, отъ чего по перводревней и въ религію премѣнившейся вѣрѣ зависитъ судьба и спасеніе ихъ республики.

Сіе предложеніе настоятеля сопровождалось сильнѣйшими отъ всѣхъ присутствующихъ увѣреніями въ ихъ ревности къ общему благу, и къ правамъ и вольностямъ Язонова хра-

ма. Разсуждаемо было о разныхъ мѣрахъ, къ которымъ приступить надлежало, дабы гражданъ утвердить въ ихъ благорасположеніи, и вразумить тѣхъ, кои приведены въ заблужденіе мнимымъ явленіемъ лягушекъ Латониныхъ, или Стробиломъ раздражены противъ аистовъ настоятелевыхъ. Собраніе разошлось потомъ, и каждой отправился въ своему мѣсту, послѣ какъ Агатирсъ пригласилъ всѣхъ ихъ къ торжественному жертвоприношенію, которое онъ тогожъ еще вечера намѣревался Язону учредить въ его храмѣ.

Тѣмъ временемъ, какъ все сіе происходило въ домѣ настоятельскомъ, Архонтъ возвратясь домой съ крайнимъ неудовольствіемъ по причинѣ по-

стыдной роли, которую онъ долженъ былъ сыграть противъ своей воли, созвалъ всѣхъ своихъ родственниковъ, братьевъ, сватовъ, сыновей, зятей, племянниковъ и дядей, дабы увѣдомить ихъ, что онъ твердо вознамѣрился, завтрашняго дня сложить съ себя достоинство предъ верховнымъ Совѣтомъ, и удалиться въ помѣстье, которое онъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ купилъ на островѣ Талосѣ Старшій сынъ его и еще нѣкоторые изъ его фамиліи при семъ домашнемъ совѣщаніи не присутствовали, поелику они за полчаса до того прошены были къ настоятелю. А какъ прочіе увидѣли, что Онолай, не смотря на всѣ ихъ прозьбы и представленія, въ намѣреніи своемъ былъ непреклоненъ: то

одинъ изъ нихъ вышелъ украдкою, дабы собравшимся въ Язоновомъ храмѣ членамъ сообщить о томъ извѣстіе, и просить у нихъ помощи противъ толь нечаяннаго и неблагопріятнаго случая.

Онъ прибылъ туда въ то самое время, какъ собраніе намѣревалось разойтись. Тѣ, коимъ расположеніе мыслей Архонта издавна было извѣстно, нашли оное обстоятельство сомнительнѣе, нежели какъ оно съ перваго взгляду многимъ показалось. Въ десять лѣтъ, говорили они, случилось это можетъ быть въ первой разъ, что Архонтъ самъ собою принялъ намѣреніе. Всеконечно приступилъ онъ къ нему не вдругъ! Онъ задумалъ уже давно, и нынѣшнее происшествіе обнаружи-

ло то, что рано или поздно обнаружилось бы само по себѣ. Словомъ, сїе намѣренїе есть дѣло его собственное; и такъ на вѣрное считать можно, что не безъ труда будетъ, его отвести отъ онаго.

Все собранїе пришло отъ того въ замѣшательство. Найдено, что сїе предпрїятїе въ толь сомнительное время, каково нынѣшнее, всей настоятелевой партїи да и самой республикѣ можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ. И такъ единогласно положено; чтобъ о намѣренїи Архонтовомъ хотя разсѣять между народомъ столько, сколько нужно для приведенїя его въ страхъ и неизвѣстность; однакожъ и распорядить также, чтобъ еще до жертвоприношенїя въ храмѣ Язоновомъ знат-

нѣйшіе Совѣтники и граждане обѣихъ сторонъ отправились къ Архонту, и именемъ всей Абдеры просили бы его неотступно, не оставлять кормила республики среди бури, въ которую толь мудрой кормчій ей наиболѣе потребенъ.

Соединеніе въ семъ случаѣ обѣихъ партій признали необходимо нужнымъ, поелику предвидѣли, что безъ сего весь трудъ у Архонта остался бы тщетнымъ. Ибо хотя онъ съ молодыхъ лѣтъ и былъ ревностнымъ поборникомъ Аристократіи; однакожъ сдѣлалъ себѣ правиломъ, *не казаться таковымъ*: и снисходительность къ народу, коея наружной видъ онъ принималъ на сей конецъ такъ долго, что оная напослѣдокъ учинилась совершенно ему свой-

ственною, пріобрѣла ему великую любовь у народа, каковою не многіе пользовались изъ его предшественниковъ. Особливо съ тѣхъ поръ, когда городъ раздѣлился на двѣ половины, на ословъ и тѣни, поставлялъ онъ себѣ за дѣйствительную честь, поступать такъ, чтобъ не подать случаю ни одной изъ обѣихъ сторонъ, дабы она причислила его къ себѣ; и хотя почти всѣ его пріятели и родственники были явные *ослы*, однако *тѣни* оставались удостовѣренными, что онѣ ничего не теряли, и *ослы* напротивъ того ничего не выигрывали, поелику сіи послѣдніе принуждены были скрывать отъ него всѣ свои замыслы, и при всякой побѣдѣ, надъ тѣнями одерживанной, могли твердо уповать,

что онъ, для приведенія дѣлъ опять въ равновѣсіе, склонится къ сторонѣ ихъ соперниковъ, хотя онъ ни одного изъ нихъ не любилъ лично.

Извѣщеніе о намѣреніи Архонтовомъ произвело все то дѣйствіе, котораго ожидали. Народъ пришелъ отъ того въ новое смятеніе; большая часть говорила, теперь нечего уже доискиваться, что значилъ жалостной вопль освященныхъ лягушекъ. Ежели Архонтъ оставитъ республику въ томъ смутномъ состояніи, въ которомъ она находится, то все погибло.

Жрецъ Стробилъ и цеховой мастеръ Пфримъ въ одно время увѣдомились какъ о великомъ жертвоприношеніи, учреждаемомъ отъ настоятеля, такъ и

о распространенномъ слухѣ, что Архонтъ рѣшился сложить съ себя званіе. Они при первомъ взглядѣ обозрѣли слѣдствіе сего двоякаго умысла, и спѣшили на одинъ отвѣчать а другой предупредить. Стробилъ велѣлъ созвать народъ къ *очистительному* молебствію, которое ввечеру въ храмѣ Латонином совершено быть долженствовало, дабы съ города такъ сказать смыть тайныя его преступленія, и отвратить бѣдствія, предсказываемыя освященными лягушками чрезъ вопль ихъ *горе*, *увы*. Напротивъ того цеховой мастеръ пошелъ искать Совѣтниковъ, своихъ товарищей и знатнѣйшихъ гражданъ, ему преданныхъ, дабы посовѣтоваться съ ними, какимъ образомъ Архонта по-

будитъ къ перемѣнѣ его мыслей. Весьма многіе изъ нихъ, будучи уже предуготовлены скрытными орудіями противной партіи, шептали за великую тайну другимъ на ухо, что заподлинно извѣстно, съ какимъ усиліемъ ослы стараются подкрѣпить Архонта подъ рукою въ его намѣреніи. А потому тѣни почитали себя удостовѣренными, что соперники ихъ думаютъ, кого нибудь изъ своихъ возвысить на высочайшую степень въ республикѣ, и такимъ образомъ уже безъ сомнѣнія надѣются на большинство въ Совѣтѣ, у котораго состоитъ выборъ. Разсужденіе о семъ привело ихъ въ такое безпокойство, что они въ сопровожаніи толпы народной поспѣшали къ жилищу Онолаеву,

и между тѣмъ, какъ чернь восклицала одинъ разъ за другимъ, да здравствуетъ Архонтъ! вошли они въ его комнаты, и просили его великомочїе именемъ всѣхъ гражданъ неотступно, дабы онъ не отрекался отъ своего сана, и никогда ихъ не оставлялъ, а наипаче въ то время, когда мудрость его для успокоенїя города нужна необходимо.

Архонтъ симъ публичнымъ доказательствомъ любви и уваженїя *своихъ согражданъ* былъ чрезвычайно доволенъ. Онъ не скрылъ отъ нихъ, что за четверть лишь часа приходили къ нему большая часть Совѣтниковъ, Язоновыхъ потомковъ, и всѣхъ другихъ древнихъ фамилїй Абдеритскихъ, и такуюжъ прозьбу предлагали ему въ столь

же лестныхъ и настоятельныхъ выраженіяхъ. Сколь ни великую имѣетъ онъ причину, снять съ себя удручающее иго правленія, и пожелать, чтобъ оное на сильнѣйшія, нежели его рамена, возложено было; однакожъ онъ не имѣетъ такой твердости, котораябъ могла воспротивиться сей живо изображенной довѣренности обѣихъ сторонъ. Сіе единомысліе ихъ въ разсужденіи его особы и сана почитаетъ онъ лучшимъ предзнаменованіемъ къ скорому возстановленію всеобщаго спокойствія, къ чему онъ не преминетъ съ удовольствіемъ всѣми способами содѣйствовать.

Когда Архонтъ окончилъ сію прекрасную рѣчь, то *тѣни* выпучили другъ на друга глаза, и къ весьма чувствительному

огорченію своему усмотрѣли, что вдругъ нѣсколькими золотниками сдѣлались болѣе знающими противъ прежняго. Ибо онѣ примѣтили, что *ослами* были обмануты, и попали не на прямую дорогу. Онѣ надѣялись привлечь Архонта совершенно на свою сторону, думая, что онѣ однѣ только его просили; а теперь открылось, что онъ и противникамъ ихъ обязанъ такоюжъ признательностію; а сіе тоже значило, что онъ имъ тѣнямъ не былъ обязанъ никакою. Но этова еще не довольно. Хитрой поступокъ ословъ служилъ явнымъ доказательствомъ, сколько для нихъ важно, чтобъ мѣсто Архонтово не упразднено было. Правда, въ самой особѣ Онолаевой имѣли они мало нужды, ибо онъ ни-

когда не предпринималъ ничего въ пользу ихъ партіи. И такъ естьли они ревностно желали, чтобъ онъ удержалъ за собою мѣсто, то сіе могло происходить не по другой какой причинѣ, какъ по тому единственно, что по догадкамъ ихъ, *тѣни* остались бы главными при выборѣ новаго Архонта. Таковые предметы, вдругъ мыслямъ ихъ представившіеся, были толь непріятны, что бѣдныя тѣни съ великимъ трудомъ могли скрыть свою досаду, и къ удовольствію Архонтову съ нарочитою поспѣшностію унесли ноги, такъ что онъ не успѣлъ отъ того притти въ удивленіе, или примѣтить перемѣну на ихъ лицахъ.

Сей день былъ важнымъ днемъ для мудраго довольно тучнаго *Онолая*, которой уже опять

совершенно примирился съ Абдерою. И такъ онъ велѣвъ запереть двери, возвратился во внутреннїе свои чертоги, бросился на кресла, побесѣдовалъ съ своею женою и дочерьми, поужиналъ, легъ ранѣе въ постелю, и въ сладкомъ покоѣ, не заботясь о судьбѣ Абдеры, проспалъ до бѣла дня.

ГЛАВА XII.

День рѣшенїя. Мѣры обѣихъ сторонъ. Четырестоначальники собираются, и судъ воспрїемлетъ свое начало. Патрїотическїя и человѣколюбивыя мечтанїя издателя сей достопамятной Исторїи.

Различныя пружины, настроенныя въ сей день съ обѣихъ сторонъ, привели полити-

чеекое тѣло Абдеры, при наружномъ видѣ величайшаго внутренняго движенія, противодѣйствующими силами въ нѣкое равновѣсіе, посредствомъ котораго въ то время, когда *Четырестоначальники* собрались для рѣшенія тяжбы о тѣни ослиной, все почти находилось въ такомъ же состояніи, въ какомъ было за нѣсколько предъ тѣмъ дней, то есть, что *ослы* имѣли на своей сторонѣ большую часть Совѣта, Патриціевъ, знатнѣйшихъ и достаточнѣйшихъ гражданъ, напротивъ того *тѣни* главную силу свою заимствовали отъ превосходнаго числа. Ибо со времени великаго торжественнаго хода вокругъ лягушечьяго пруда Латонина, учрежденнаго Стробиломъ наканунѣ суда, при которомъ и

всѣ тѣни, подъ предводительствомъ Номофилакса *Грилла* и цеховаго мастера *Пфрима*, присутствовали съ отличнымъ благоговѣніемъ, народъ передался опять совершенно къ послѣдней сторонѣ.

При случаѣ сего хода жрецу Стробилу и прочимъ старѣйшинамъ легко бы было, посредствомъ могущества своего надъ изступленною толпою народною, которая при совершенной разстройкѣ республики болѣе выигрываетъ, нежели теряетъ, причинить еще того же вечера много зла въ Абдерѣ. Однако — кромѣ того, что жрецу отъ Архонта весьма строго предписано было, содержать чернь въ надлежащемъ порядкѣ, и пещись о томъ, чтобъ храмъ и всѣ пути къ освященному

пруду еще до восхожденія солнца были заперты — они и сами отнюдъ не хотѣли, безъ крайней нужды, видѣть весь городъ въ пламени или въ крови; да и не смотря на Абдеритство ихъ въ другихъ случаяхъ, имѣли они умную догадку, что естьли чернь единожды отнимаетъ у нихъ изъ рукъ бразды, то уже не будетъ состоять въ ихъ власти, утолить паки бѣшенство толь слѣпаго и неукротимаго звѣря. И такъ по окончаніи хода, и по заключеніи дверей храма, цеховой мастеръ удовольствовался произнесеніемъ слѣдующихъ словъ къ расходящемуся народу: онъ надѣется, что всѣ честные Абдериты завтра въ девять часовъ соберутся на площади при рѣшеніи тяжбы согражданина ихъ

Струшїона, и сколько можно, способствовать будутъ, дабы правое его дѣло одержало верьхъ.

Хотя сїе приглашенїе, не смотря на учтивыя, и по мнѣнїю его, весьма осторожныя выраженїя, не иное что было, какъ весьма незаконной поступокъ мятежнаго цеховаго мастера, которой въ нужномъ случаѣ намѣревался судей приневолить опасенїемъ бунта къ сочиненїю приговора по его желанїю. Однако на сїе-то съ твердостїю и рѣшились *тѣни*; и какъ другая партїя была въ томъ удостовѣрена, то она приняла всѣ возможныя мѣры, для приготовленїя себя къ могущимъ произойти крайностямъ.

Какъ скоро начался судъ, то настоятель велѣлъ всѣ пути къ Язонову храму обста-

вить толпами дюжихъ кожевниковъ и мясниковъ, вооруженныхъ дубьемъ и ножами; а въ домахъ знатнѣйшихъ *ословъ* пропустилъ чрезъ другихъ слухъ, что будто надѣется выдержать осаду. *Ослы* сами появились на мѣсто судилища съ кинжалами подъ длинными своими одѣяніями; и нѣкоторые изъ нихъ, кои громче всѣхъ говорили, имѣли предосторожность надѣть даже латы подъ свои душегрѣйки, дабы патріотическую грудь свою тѣмъ съ большею безопасностію противопоставить ударамъ враговъ справедливаго дѣла.

Девятой часъ наступилъ, вся Абдера ожидала съ нетерпѣливостію, чѣмъ окончится толь неслыханная тяжба; никто порядочно не позавтракалъ,

хотя всякъ уже съ разсвѣтомъ дня на ногахъ былъ. Четыресто-начальники собрались на возвышенной ровнинѣ храмовъ Аполлона и Діаны (обыкновенномъ мѣстѣ, гдѣ главной Совѣтъ держанъ былъ на открытомъ воздухѣ, на супротивъ большей площади, съ которой по широкой лѣстницѣ, изъ четырнатцати ступеней состоящей, надлежало всходить на оную ровнину. Также и партіи съ ближайшими своими родственниками и съ обоими стряпчими своими пришли и заняли принадлежащія имъ мѣста; между тѣмъ какъ вся площадь наполнилась множествомъ народа, котораго чувствованія довольно ясно обнаруживались шумнымъ крикомъ: *да здравствуетъ!* когда какой Совѣтникъ или цехо-

вой мастеръ, покровительствующій сторону тѣней, приближался.

Всѣ ожидали потомъ *Номофилакса*, которой по обычаю города Абдеры, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ собраніе главнаго Совѣта не касалось до непосредственныхъ дѣлъ общества, имѣлъ въономъ предсѣдательство. Хотя *ослы* всячески домогались, Архонта Онолая побудить къ тому, чтобъ онъ въ сдѣланныхъ изъ слоновой кости креслахъ (которыя тремя ступенями выше лавокъ совѣтническихъ, для президента поставляемы были) сѣлъ собственною своею достопочтенною особою. Однако онъ отозвался: что лучше уморитъ себя, нежели согласится предсѣдательствовать въ судѣ объ ослиной тѣни. И такъ найдено

за нужное уступить его разборчивости.

Номофилаксъ — какъ точной исполнитель обрядовъ, привыкшій въ таковыхъ случаяхъ заставлять себя долго дожидаться — старался о томъ, чтобъ собраніе между тѣмъ занялось музыкою его сочиненія, и (какъ онъ говорилъ) приготовилось къ торжественному подвигу. Сей замыслъ хотя былъ новой, однакожъ принятъ весьма благосклонно, и (вопреки намѣренію Номофилаксову, которой въ партіи своей хотѣлъ чрезъ то воспламенить мужество и бодрость) произвелъ весьма хорошее дѣйствіе. Ибо помянутая музыка подала партіи настоятелевой поводъ ко многимъ острымъ выдумкамъ, при которыхъ отъ времени до

времени поднимался громкой смѣхъ. Одинъ говорилъ: этотъ *Аллегро* походитъ на военную пѣсню — *для битвы перепелокъ*, примолвилъ другой. Но за то, сказалъ третій, отзывается Адажіо, какъ будто бы была надгробная пѣснь для зубалома Струтіона и для сапожнаго мастера, его покровителя. Вся музыка, отозвался четвертой, заслуживаетъ сочинена быть тѣнями, а слушана ослами, и проч. Сколь ни мало въ сихъ шуткахъ было соли, однако въ разсужденіи толь забавнаго и ко всякимъ впечатлѣніямъ расположеннаго народа ничего болѣе и не требовалось, дабы въ цѣломъ собраніи присутствующихъ поселить веселой духъ; такой духъ, которой у ярости, ими еще обладавшей, не примѣтно

отнялъ силу, и можетъ быть способствовалъ болѣе, нежели что нибудь другое, къ сохраненiю города въ сiю критическую минуту.

Наконецъ появился Номофилаксъ въ сопровожанiи тѣлохранительной стражи, состоящей изъ бѣдныхъ дряхлыхъ ремесленниковъ, которые вооружены будучи тупыми алебардами и отъ миролюбiя заржавѣлыми палашами, походили болѣе на смѣшныхъ чучелъ, коими въ саду птицъ пугаютъ, нежели на ратниковъ, кои судилищу въ глазахъ простаго народа долженствовали придать страхъ и важность. Но благо той республикѣ, которая, для защиты вратъ своихъ, не имѣетъ нужды въ другихъ герояхъ, кромѣ таковыхъ!

Видъ оныхъ странныхъ воиновъ, и неловкость, каковую они показывали въ воинскомъ уборѣ, въ которой съ нуждою одѣли ихъ, возбудилъ въ зрителяхъ новую охоту къ потѣхамъ, такъ что провозвѣстникъ много имѣлъ труда, дабы народъ довести наконецъ хотя до посредственной тишины, и до того уваженія, коимъ онъ обязанъ судилищу верховному.

Тогда президентъ открылъ засѣданіе краткою рѣчью; провозвѣстникъ велѣлъ опять замолчать; и стряпчіе обѣихъ сторонъ вызваны поимянно, предложить изустно свою жалобу и оправданіе.

Случай, показать свое искусство надъ *тѣнію ослиною*, долженствовалъ стряпчимъ, кои слыли за великихъ знатоковъ

въ своемъ родѣ, быть уже по себѣ лестнымъ ободренiемъ. И такъ легко себѣ представить можно, съ какимъ тщанiемъ они приготовились, когда сiя тѣнь учинилась предметомъ, въ которомъ вся республика приняла участiе, и для котораго она раздѣлилась на двѣ партiи, изъ коихъ каждая за дѣло покровительствуемаго ею вступилась, какъ за свое собственное. Съ тѣхъ поръ, какъ Абдера стояла, не видано еще ни одной тяжбы, толико смѣшной самой по себѣ, и толико важной по тому порядку, съ какимъ оная производилась. Тотъ стряпчей развѣ бы не имѣлъ никакихъ талантовъ и никакого *стряпческаго смыслу*, которой бы въ такомъ случаѣ не превзошелъ самаго себя.

Тѣмъ паче сожалѣть надобно, что губительное время, отъ котораго толь многiя другiя произведенiя ума и остроты избѣгнуть не могли, ниже впредь избѣгнуть могутъ, не пощадило и подлинниковъ сихъ обѣихъ славныхъ рѣчей! по крайней мѣрѣ сколько намъ извѣстно. Ибо кто знаетъ, не удастся ли можетъ быть нѣкогда будущему *Фурмонту* или *Севеню*, которой постарается объ открытiи древнихъ рукописей, сыскать списокъ оныхъ рѣчей въ какомъ нибудь запыленномъ углу древней Греческой монастырской Библiотеки? Или естьлибъ сего не льзя было надѣяться, то кто сказать можетъ, не попадется ли въ послѣдствiи времянъ сама Ѳракiя опять въ руки владѣтелей Христiанскихъ,

кои (по примѣру нѣкоторыхъ великихъ Монарховъ нашего философско-героическаго вѣка) поставятъ себѣ за честь, быть сильными споспѣшествователями наукъ, заводить Академіи, выкапывать лежащіе подъ землею города и проч.? Кто знаетъ, сія самая настоящая исторія Абдеритовъ (сколько она ни несовершенна) по переводѣ ея на языкъ сей будущей *лучшей Ѳракіи*, не подастъ ли повода къ тому, что таковому *Ново-ѳракійскому Музагету* вспадетъ на умъ, городъ Абдеру выкопать изъ ея развалинъ? Тогда безъ сомнѣнія найдутся опять канцелярія и архивъ сей знаменитой республики, а въ нихъ и всѣ оригинальныя записки тяжбы о тѣни ослиной, съ обѣими рѣчами, о потерѣ кото-

рыхъ мы сожалѣемъ. — По крайней мѣрѣ пріятно, такимъ образомъ парить на крыльяхъ *патріотическихъ и человѣколюбивыхъ* мечтаній въ грядущія времена, и утѣшаться тѣмъ благополучіемъ, которое предстоитъ еще нашимъ потомкамъ; благополучіемъ, въ которомъ служитъ намъ достовѣрнымъ поручительствомъ возрастающее (какъ извѣстно) отчасу болѣе совершенство наукъ и художествъ, и изливающееся отъ нихъ на всякую плоть просвѣщеніе, украшеніе и утонъченіе мыслей, вкуса и нравовъ.

Между тѣмъ служитъ намъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ то, что мы въ состояніи себя видимъ, изъ тѣхъ бумагъ, изъ коихъ настоящіе отрывки Исторіи Абдеритовъ почерпнуты,

доставить по крайней мѣрѣ оныхъ рѣчей *содержанïе*, подлинность котораго тѣмъ менѣе подозрительна, что ни одинъ Читатель, имѣющïй обонянïе, не можетъ не признать *запаха Абдеритства*, оттуда происходящаго — и сей внутреннïй доводъ кажется наконецъ быть всегда самымъ лучшимъ, каковой находиться можетъ для сочиненïя кого либо изъ смертныхъ, *Оссïанъ* ли бы онъ былъ, или *Абдеритской пустомеля*.

ГЛАВА XIII.

Рѣчь стряпчаго Физигната.

Сикофантъ *Физигнатъ*, который яко стряпчïй зубнаго лѣкаря Струтïона говорилъ первый, былъ средняго роста,

имѣя твердыя мышцы и крѣпкую грудь. Онъ много гордился тѣмъ, что былъ ученикомъ славнаго Горгія, и требовалъ, чтобъ его почитали за одного изъ величайшихъ витій, въ его время *жившихъ*. Но въ томъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, былъ онъ прямой Абдеритъ. Главное искусство его состояло въ томъ, что онъ, для приданія плодовитому предложенію своему разными перемѣнами своего голоса болѣе живости и силы, перескакивалъ въ полуторыхъ октавахъ отъ одной степени къ другой какъ бѣлка, дѣлая притомъ столь много кривлянья и тѣлодвиженій, какъ будтобъ онъ слушателямъ своимъ могъ сдѣлаться вразумительнымъ токмо ужимками.

Однако мы не хотимъ чрезъ сїе отнять у него достоинства, что онъ во всѣхъ тѣхъ прїемахъ, коими судей можно склонить въ свою пользу, замѣшать ихъ разумъ, привести въ ненависть своего противника, и вообще представить дѣло въ лучшемъ видѣ, нежели каково оно есть въ сущности, былъ довольно ловокъ, — такъ же умѣлъ, при случаѣ, изображать не худыя *картины*, какъ остроумной Читатель изъ самой рѣчи, безъ нашего напоминанїя, всего лучше усмотритъ.

Физигнатъ выступивъ со всею безстыдною наглостїю такого Сикофанта, которой увѣренъ въ томъ, что слушателями имѣетъ Абдеритовъ, началъ такъ:

„Благородные, высокопочтенные, мудрые и великомочные Четырестоначальники!„

„Естьли было когда такое время, въ которое изящность правленія республики нашей открывалась въ лучшемъ своемъ блескѣ, и естьли я появлялся когда предъ вами съ чувствованіемъ того, сколь важно быть гражданиномъ Абдеритскимъ: то наипаче въ сей торжественный день; когда предъ симъ знаменитымъ верховнымъ судилищемъ, предъ симъ нетерпѣливостію горящимъ и соучаствующимъ сонмомъ народа, предъ симъ многочисленнымъ стеченіемъ чужестранцовъ, славою чрезвычайнаго зрѣлища привлеченныхъ, долженствуетъ предложено быть для рѣшенія такое тяжебное дѣло, которое въ менѣе сво-

бодной, менѣе благоучрежденной области, которое даже въ Ѳивахъ, Аѳинахъ или Спартѣ, признано бы было не довольно важнымъ, дабы гордыхъ попечителей о благосостоянiи общемъ занять хотя на одну минуту. Благородная, достопочтенная, трекратно блаженная Абдера! ты единая подъ защитою законодательства, для котораго и самыя последнiя, самыя сомнительныя и запутанныя права и требованiя гражданъ священны, ты единая пользуешься существенностiю безопасности и свободы, когда другiя республики (какiябъ ни были преимущества, тщеславною ихъ любовiю къ отечеству своему вымышляемыя) имѣютъ токмо тѣнь оныхъ.

„Или, скажите мнѣ, въ какой другой республикѣ тяжба

между простымъ гражданиномъ и между самымъ послѣднимъ въ народѣ, тяжба, по первому взгляду едва до двухъ или трехъ драхмъ простирающаяся, тяжба о предметѣ, кажущемся толико маловажнымъ, что законы по видимому со всѣмъ позабыли объ оной при наименованіи вещей, могущихъ относиться къ собственности, тяжба о томъ, чего тонкой умословъ даже не могъ бы назвать вещію, однимъ словомъ, споръ о тѣни осла — учинился бы предметомъ всеобщаго соучаствованія, дѣломъ каждаго, и слѣдственно, естьли сказать смѣю, какъ бы дѣломъ всего Государства? Въ какой другой республикѣ законы собственности такъ опредѣлены, взаимныя права гражданъ отъ всякаго произвола

начальствующихъ особъ толико обезопасены, малѣйшія требованія самаго бѣднаго властями толико уважены, что верховное судилище республики не вмѣняетъ себѣ за низость, торжественно собраться, и рѣшить сомнительное по видимому право *на тѣнь ослиную*? Горе тому, кто при семъ словѣ язвительно наморщивается, и по ребяческимъ понятіямъ о томъ, что велико или мало, сопровождаетъ безумнымъ смѣхомъ то, что служатъ къ великой чести нашему судопроизводству, къ славѣ нашему начальству, къ торжеству всей Абдеры и каждаго добраго гражданина! Горе тому, повторяю въ другой и третій разъ, кто не имѣетъ смысла, сіе возчувствовать! Но благо республикѣ, въ которой — какъ

скоро дѣло идетъ до правъ гражданскихъ, до собственности, сей подпоры всякой ч сшюй и общей безопасности — и осли ная тѣнь не есть малостію!„

„Но когда я съ одной стороны такимъ образомъ со всѣмъ жаромъ любителя отечества, со всею справедливою гордостію истиннаго Абдерита, чувствую и признаю, какимъ превосходнымъ сія предлежащая тяжба пребудетъ для позднѣйшаго потомства доказателиствомъ лучшаго учрежденія республики нашей, равно какъ безпристрастія, тщательности и вниманія, съ каковымъ наше достодолжно управляющее начальство наблюдаетъ вѣсы правосудія; то сколь долженъ я съ другой стороны сожалѣть объ утратѣ искренней простоты нашихъ предковъ, по-

терѣ дружелюбія и согласія, взаимной услужливости, добровольной готовности, изъ любви и дружбы, изъ добраго сердца, или по крайней мѣрѣ изъ миролюбія, уступить что либо изъ мнимаго нашего строгаго права — однимъ словомъ сколь долженъ я сожалѣть о поврежденіи нравовъ, древнимъ Абдеритамъ свойственныхъ, о развратѣ, подлинномъ и единственномъ источникѣ той недостойной и постыдной тяжбы, которою мы сегодня заняты! — Какъ? могу ли я произнести не краснѣясь? — О ты любезная правота древнихъ нашихъ жителей, ты изсякла до того, что Абдеритскіе граждане — кои при каждомъ случаѣ, по вѣрности къ отечеству и по любви къ ближнему, не долженствовали

бы щадить живота своего другъ за друга — суть толь корыстолюбивы, алчны и непріязненны, что я говорю, столь безчеловѣчны, что одинъ другому возбраняютъ даже употребленіе тѣни ослиной?„

„Но — простите мнѣ, достойные сограждане — я ошибся въ словѣ — простите мнѣ неумышленное оскорбленіе. Тотъ, которой способенъ былъ къ толь низкому, грубому, и варварскому образу мыслей, не есть изъ числа нашихъ согражданъ! Онъ токмо терпимой обыватель нашего города, пришлецъ подъ защищеніемъ Я о сва храма, отребіе народа, такой человѣкъ, отъ котораго породы, воспитанія и жизни не льзя было ожидать лучшаго; словомъ, *погонщикъ ословъ* — не

имѣющій кромѣ той же земли и тогожъ воздуха, коимъ дышетъ, ничего болѣе съ нами общаго, какъ то, что имѣемъ общее и съ самыми дикими народами въ степяхъ крайнихъ сѣверныхъ. Стыдъ его остался при немъ, и *насъ* запятнать не можетъ. Я осмѣлюсь сказать, что Абдеритской гражданинъ, никогда бы себя не учинилъ виновнымъ въ толь человѣконенавистномъ поступкѣ„

„Однако — не называю ли я можетъ быть весьма сп рогимъ именемъ сей поступокъ? — Поставьте себя, прошу васъ, на мѣсто добраго вашего согражданина Струтіона, и — почувствуйте!„

„Онъ отправился по своимъ дѣламъ, дѣламъ благороднаго своего искусства, предпріем-

лемымъ единственно для облегченія недуговъ страждущаго человѣчества. Лѣтній день былъ тогда одинъ изъ самыхъ жаркихъ. Казалось, что жестокой зной солнца превращалъ весь горизонтъ въ горнило раскаленной пещи. Не было ни одного облачка, для умѣренія палящихъ его лучей! Ни вѣющаго вѣтерка, для прохлажденія изнемогшаго странника. Солнце пекло его темя, высасывало кровь изъ его жилъ, мозгъ изъ его костей, Томясь, съ пересохшихъ языкомъ во рту, съ мутными, отъ жару и свѣта притупившимися глазами, искалъ онъ тѣни какого нибудь сострадательнаго дерева, подъ защитою котораго могъ бы отдохнуть, напитаться свѣжимъ воздухомъ, и предохранить себя

хотя на одну минуту отъ раскаленныхъ стрѣлъ неумолимаго Аполлона.„

„Тщетно! вы знаете всѣ страну изъ Абдеры въ Геранію. Въ разстояніи двухъ часовъ пути, да будетъ сказано въ поношеніе всей Ѳракіи! нѣтъ ни одного дерева, ни одного кустарника, которой бы въ семъ пространствѣ увянувшихъ отъ бездождія полей могъ прохладить путешественника, или дать ему убѣжище отъ полуденнаго зноя!„

„Бѣдной Струтіонъ наконецъ свалился съ своего животнаго. Натура не превозмогла болѣе. Онъ велѣвъ остановить осла, сѣлъ подъ тѣнь его. — Слабое, бѣдное отдохновеніе! Но сколь оно ни мало было, однакожъ было что нибудь!„

„И какимъ извергомъ долженствовалъ быть тотъ безчувственной и окаменѣлой сердцемъ, которой сему страждущему ближнему своему, въ такихъ обстоятельствахъ, могъ отказать въ тѣни осла? Вѣроятно ли бы было, что находится таковой, естьлибъ мы не видѣли его собственными глазами предъ собою? Но онъ стоитъ здѣсь, и что еще того горьше, еще не вѣроятнѣе самаго поступка — признается въономъ не обинуясь; по видимому еще превозносится стыдомъ своимъ; и дабы онъ подобнымъ себѣ, кои можетъ быть впредь родятся, не оставилъ возможности, сравнится съ нимъ въ наглой продерзости, то простирается въ ней до того, что по получении уже приговора сво-

сего отъ достопочтеннаго городоваго суда, утверждаетъ даже передъ величествомъ сего верховнаго судилища, что онъ поступилъ справедливо. „Я не отказылъ ему въ ослиной тѣни, „говоритъ онъ, хотя по строгому праву не обязанъ былъ, попускать ему садиться подъ „оную; я требовалъ только справедливой признательности за „то, что къ ослу, котораго „ему отдалъ въ наймы, долженъ „былъ потомъ присовокупить и „тѣнь, коея въ наймы не отдавалъ.„ Низкая, постыдная увертка! Чтобы мы заключили о такомъ человѣкѣ, которой бы изнемогающему прохожему запретилъ садиться безденежно подъ тѣнь его дерева? Или какъ бы мы назвали того, кто истаевающему жаждою чужестранцу

не позволилъ бы напиться воды, текущей по землѣ, ему принадлежащей ?„

„Вспомните, о вы мужи Абдерскїе, что сїе одно, а не другое какое, было преступленїе Ликїйскихъ земледѣльцовъ, коихъ отецъ боговъ и людей въ отмщенїе за подобное безчеловѣчїе, оказанное сими нещастными возлюбленной его Латонѣ съ дѣтьми ея — превратилъ въ лягушекъ, для ужаснаго примѣра всѣмъ временамъ грядущимъ. Страшное чудо, котораго истинна и память среди насъ въ священной рощѣ и прудѣ Латоны, покланяемой защитницы нашего города, живо хранится, продолжается на вѣки, и какъ бы возобновляется ежедневно! А ты, *Антраксъ*, житель сего города, въ кото-

ромъ сей страшной памятникъ гнѣва боговъ за жестокосердіе есть предметомъ всенародной вѣры и богослуженія, ты не убоялся, месть ихъ навлечь на себя подобнымъ преступленіемъ?„

„Но ты упорно настоишь въ своемъ правѣ собственности. —„Кто пользуется своимъ „правомъ, говоришь ты, тотъ „не дѣлаетъ никому обиды. Я „другому обязанъ не болѣе, „какъ по заслугамъ его. Когда „оселъ есть моя собственность, „то и тѣнь его также.„

„Сіе то говоришь ты? Не ужели ты думаешь, или думаетъ остроумной и краснорѣчивой дѣлопроизводитель, въ руки котораго отдалъ ты самое беззаконное дѣло, каковое никогда не представлялось на

судъ боговъ или человѣковъ, неужели мнитъ онъ, со всѣмъ очарованіемъ своего краснорѣчія, или со всѣмъ сплетеніемъ обманчивыхъ заключеній такъ затьмить и помрачить нашъ разумъ, чтобъ мы согласились тѣнь признать за что нибудь дѣйствительное, умалчивая за такое что нибудь, въ разсужденіи чего кто либо можетъ имѣть прямое и исключительное право?„

„Я бы во зло употребилъ, Великомочные Господа, терпѣніе ваше, и оскорбилъ бы вашу мудрость, естьлибъ захотѣлъ здѣсь повторить всѣ доводы, коими я уже въ нижнемъ судѣ, законамъ соотвѣтственно, доказалъ ничтожность мнимыхъ доводовъ соперниковыхъ. Я удовольствуюсь, на теперешній разъ

какъ сего требуютъ обстоятельства, присовокупить токмо въ немногихъ словахъ слѣдующее. Тѣнь, говоря собственно, не можетъ причислена быть къ вещамъ дѣйствительнымъ. Ибо то, отъ чего она дѣлается тѣнїю, не есть что либо дѣйствительное или положительное, но совсѣмъ тому противное; а именно, отсутствїе того свѣта, которой простирается на прочїя, тѣнь окружающїя вещи. Въ предлежащемъ случаѣ косвенное положенїе солнца и *непроницаемость* осла (свойство, съ нимъ соединенное, не по тому, что онъ оселъ, но по тому, что онъ есть *темное* или *непрозрачное тѣло,* corpus opacum) есть единственною настоящею причиною тѣни, которую, кажется, оселъ отбра-

сываетъ, и которую каждое другое тѣло на его мѣстѣ отбрасывало бы; ибо фигура тѣни совсѣмъ не касается до дѣла. И такъ препоручитель мой, собственно сказать, сѣлъ не подъ тѣнь *осла*, но подъ тѣнь *непрозрачнаго тѣла*; и въ обстоятельствѣ, что сіе тѣло былъ оселъ, и сей оселъ былъ домашній товарищь какого то Антракса изъ храма Язонова въ Абдерѣ, было истцу моему столь же мало нужды, сколь мало оно принадлежало къ дѣлу. Ибо, какъ сказано, не *ослячество* (естьли такъ выразить могу), но тѣлесность и непроницаемость многократно упоминаемаго осла есть причиною тѣни, которую, кажется, онъ отбрасываетъ."

„Однако естьлибъ мы и слишкомъ допустили, что тѣнь принадлежитъ къ вещамъ: то изъ безчисленныхъ примѣровъ явствуетъ, что ее относить должно къ *вещамъ общимъ*, на которыя каждой имѣетъ столько права, сколько другіе, и на которыя тотъ пріобрѣтаетъ право ближайшее, кто первой вступитъ во владѣніе оною.„

„Но я хочу сдѣлать еще болѣе; я хочу даже допустить, что тѣнь осла есть его *принадлежность*, точно такъ, какъ его уши: выигрываетъ ли чрезъ сіе противная сторона что нибудь? Струтіонъ нанялъ осла, слѣдственно нанялъ и его тѣнь. Ибо при всякомъ наемномъ договорѣ подразумѣвается, что отдатчикъ вещи, о коей рѣчь идетъ, препоручаетъ ее наем-

щику для употребленія со всѣми ея принадлежностями и выгодностями. ТакЪ по какомужЪ праву могЪ АнтраксЪ требовать, чтобЪ СтрутіонЪ ему за тѣнь осла заплатилЪ еще особо? Слѣдующая дилемма (*) есть не оспорима: либо тѣнь осла есть часть и принадлежность его, либо нѣтЪ. ВЪ послѣднемЪ случаѣ СтрутіонЪ и каждой другой имѣетЪ на оную столькожЪ права, какЪ и АнтраксЪ. ВЪ первомЪ же случаѣ АнтраксЪ, отдавая вЪ наймы осла, отдалЪ и тѣнь; и требованіе его столь же не лѣпо, какЪ естьлибЪ кто продалЪ мнѣ свою

(*) Дилемма есть такой родЪ раздѣлительнаго силлогизма, вЪ которомЪ всѣ части меньшей посылки доказываются, дабы противникЪ никоимЪ образомЪ не могЪ вывернуться.

лиру, и требовалъ после, когдабъ я на ней играть хотелъ, чтобъ я заплатилъ ему еще и за ея *голосъ*.„

„Но къ чему столь много доводовъ для такого дела, которое общему смыслу человеческому такъ вразумительно, что его только слышать надобно, дабы усмотреть, на чьей стороне правда? Что такое ослиная тень? Какое безстыдство Антраксово, когда онъ не имея на нее права, оную себе присвоиваетъ, для приобретенія лихвы? Да когда тень и действительно была его: то какая подлость, въ толь малой и ничего незначущей безделке, какую только назвать и придумать можно, и которая въ тысячи другихъ случаяхъ совсемъ не годится, отказать челове-

ку, сосѣду и пріятелю, въ единственномъ случаѣ, гдѣ она нужна ему необходимо?„

„Не попустите, благородные и великомочные Четырестоначальники, не попустите говорить о Абдерѣ, что таковое своевольство, таковое беззаконіе, предъ судилищемъ, предъ которымъ (какъ предъ онымъ славнымъ Аѳинскимъ) сами бы боги не устыдились рѣшить свои споры, обрѣло защиту! Отриновеніе истца съ его недѣйствительною, несправедливою и смѣшною жалобою, равно какъ и прозьбою на рѣшеніе нижняго присудственнаго мѣста, осужденіе его къ заплатѣ всѣхъ издержекъ, убытковъ и протopей, кои причинилъ онъ безвинному отвѣтчику притязаніемъ своимъ въ семъ

дѣлѣ, есть теперь самая последняя малость, каковой я именемъ моего препоручителя требовать могу. Сей притязательный истецъ повиненъ также удовлетворенїемъ, и по истиннѣ безпримѣрнымъ, естьли сообразить оное съ великостїю его злодѣянїя! удовлетворенїемъ отвѣтчику, коего домашнее спокойствїе, дѣла, честь и слава соперникомъ и его покровителями въ продолженїи сей тяжбы безчисленными способами нарушены и оскорблены! удовлетворенїемъ достопочтенному городовому суду, на справедливой приговоръ котораго отозвался онъ, безъ причины, съ прозьбою въ сїе судилище верховное! удовлетворенїемъ сему самому верховному судилищу, которое онъ буйствен-

но дерзнулъ утруждать толь недостойною тяжбою! удовлетворенiемъ наконецъ всему городу и всей республикѣ Абдерѣ, въ которой онъ воздвигъ безпокойства и раздоры, и которую подвергнулъ чрезъ то едва ли избѣжимой опаснести „

„Требую ли я слишкомъ много, Великомочные Господа! требую ли я чего нибудь несправедливаго? Воззрите здѣсь на всю Абдеру, которая въ безчисленномъ множествѣ толпится при ступеняхъ сего для верховнаго судилища назначеннаго мѣста, и именемъ извѣстнаго по великимъ своимъ заслугамъ крайне оскорбленнаго согражданина, *ожидаетъ* удовлетворенiя, *требуетъ* онаго. Естьли благоговѣнiе связываетъ языкъ народа; то въ глазахъ каждаго

пріятно однакожъ сіе справедливое, сіе неоспоримое требованіе! довѣренность гражданъ, безопасность ихъ правъ, возстановленіе внутренняго и общественнаго спокойствія, утвержденіе онаго на незыблемыхъ подпорахъ для временъ предбудущихъ, однимъ словомъ, благоденствіе всей нашей области, зависитъ отъ рѣшенія, которое вы произнесете, зависитъ отъ исполненія справедливаго и всеобщаго ожиданія. И когда въ первыя времена міра, *оселъ* имѣлъ честь, воздремавшихъ боговъ разбудить своимъ крикомъ при ночномъ нападеніи Титановъ, и чрезъ то самой Олимпъ спасти отъ опустошенія и погибели: то нынѣ *тѣнь осла* да будетъ случаемъ, и нынѣшній день да будетъ ща-

стливою эпохою, въ которой сей первдревній городъ и республика послѣ толь многихъ и опасныхъ движеній паки успокоится, союзъ между начальствомъ и гражданами крѣпче утвердится, всѣ прошедшія несогласія преданы будутъ забвен ю, праведнымъ осужденіемъ одного законопреступнаго погоньщика ословъ спасется вся область и цвѣтущее благосостояніе оной утвердится на вѣчныя времена во всѣхъ ея предѣлахъ'„

ГЛАВА XIV.

Отвѣтъ стряпчаго Полифон.

Какъ скоро Физигнатъ перестал говорить, то народъ, или лучше сказать чернь, занимавшая всю площадь, изъяви-

ла одобренїе свое громкимъ крикомъ, не унимавшимся такъ долго, что судьи стали наконецъ опасаться, дабы тѣмъ не прекращено было все дѣлопроизводство. Партїя настоятелева оробѣла и пришла въ замѣшательство. Но противъ того *тѣни*, хотя въ главномъ совѣтѣ составляли меньшее число, ободрились снова, и обѣщали себѣ отъ впечатлѣнїя, симъ вступленїемъ въ ослахъ произведеннаго, благопрїятнаго успѣха. Между тѣмъ цеховые мастера не преминули народъ увѣщевать знаками къ сохраненїю тишины; и когда Герольдъ троекратнымъ возглашенїемъ напослѣдокъ возстановилъ всеобщее молчанїе, то Полифонъ, стрячїй погонщика ословъ, дородной и плотной дѣтина съ коротками кур-

чавыми волосами, и густыми бровями, черноmою смолѣ подобными, выступивъ поднялъ басистой свой голосъ, раздавшійся по всей площади, и говорилъ слѣдующее:

Великсмочные Четыресто-начальники!

„Истинна и свѣтъ имѣютъ предъ всѣми другими вещами въ мірѣ то преимущество, что они не требуютъ никакой помощи посторонней, дабы ихъ видѣть. Я охотно уступаю сопернику моему всѣ выгоды, кои онъ думалъ почерпнуть отъ своего искусства въ краснорѣчіи. Тому, кто говоритъ неправду, приличествуетъ, узорами, оборотами, замашками и всѣми фокусами покусами школьной реторики обморачивать малыхъ рибятъ и дураковъ. Умные люди

не допустятъ, чтобъ ихъ тѣмъ ослѣпили. Я не намѣренъ изслѣдовать, сколь много чести и славы сія тяжба объ ослиной тѣни принесетъ республикѣ Абдерской. Не намѣренъ судей ни заманивать на свою сторону грубыми ласкательствами, ни стращать скрытными угрозами. Еще менѣе хочу народу возмутительными рѣчами подать сигналъ къ тревогѣ и возмущенію. Знаю, для чего я здѣсь, и передъ кѣмъ говорю. Словомъ, я удовольствуюсь доказать, что погоньщикъ ословъ Антраксъ *правъ*. Судья будетъ уже знать свое дѣло безъ того, чтобъ я имѣлъ нужду, ему напоминать о томъ."

Тутъ нѣкоторые не многіе между чернью, стоявшіе ближе всѣхъ къ ступенямъ воз-

вышенной равнины, начали прерывать оратора крикомъ, ругательствомъ и угрозами. Но какъ Номофилаксъ всталъ съ сдѣланнаго изъ слоновой кости своего трона, провозвѣстникъ паки подтвердилъ молчанїе, и гражданская стража, при ступеняхъ стоявшая, блеснула длинными своими копьями: то все прїутихло по прежнему, и витїя, котораго не безъ труда можно было вывести изъ терпѣнїя, продолжалъ такъ:

„Великомочные Господа, я предстою здѣсь не такъ какъ стряпчїй погонщика ословъ Антракса, но какъ полномочный Язонова храма, и отъ стороны высокодостойнаго Агатирса, первостоятеля онаго, блюстителя настоящаго златаго руна, верховнаго

повелителя надъ всѣми подъ вѣдомствомъ храма находящимися заведенїями, помѣстїями, расправами и округами, главы высокаго поколѣнїя Язоновыхъ потомковъ и проч. именемъ Язона и храма его требовать отъ васъ, чтобъ погоньщикуословъ Антраксу опредѣлено было удовлетворенїе, поелику онъ въ самомъ дѣлѣ *совершенно правъ*; а что онъ таковъ, то я, не смотря на все краснобайство, которому соперникъ мой научился у своего учителя *Горгїя*, такъ какъ онъ тѣмъ похваляется, надѣюсь доказать такъ ясно и громогласно, что и слѣпые увидѣть, и глухїе услышать могутъ. И такъ безъ дальняго предисловїя приступлю къ самой матерїи!„

„Антраксъ отдалъ зубному лѣкарю Струшіону своего осла на день; не для произвольнаго употребленія, но дабы его, зубнаго лѣкаря, съ чемоданомъ его отвезти въ Геранію, которая, какъ извѣстно каждому, отстоитъ отсюда на восемь полныхъ миль.„

„При отдачѣ осла въ наймы натурально не думано ни однимъ изъ обоихъ о его тѣни. Но какъ зубной лѣкарь среди поля слѣзъ съ осла, и остановя его на солнцѣ, хотя сіе животное по истиннѣ отъ жару претерпѣвало еще болѣе, нежели онъ, сѣлъ въ его тѣнь, то весьма естественно, что хозяинъ осла не остался притомъ равнодушнымъ.„

„Я не хочу отрицать, что Антраксъ употребилъ глупую

и ослиную отговорку, требуя отъ зуболома заплаты за *тѣнь* ослю для того, что оной *тѣни* не отдавалъ ему вмѣстѣ въ наймы. Но за то онъ и есть токмо ослиный погоньщикъ по своей породѣ, то есть, такой человѣкъ, которой потому, что выросъ между одними только ослами, и живетъ болѣе съ ними, нежели съ честными людьми, пріобрѣлъ нѣкоторое право, быть и самъ не многимъ лучше осла. И такъ по настоящему была только — шутка ослячьяго погоньщика„

„Но въ какой классъ животныхъ безсловесныхъ должны мы помѣстить того, кто такую шутку превратилъ въ правду? Естьлибъ Г. Струтіонъ захотѣлъ поступить, какъ умной человѣкъ, то онъ грубіяну сказалъ бы только:

„другъ мой, мы не станемъ ссо-
„риться за ослиную тѣнь. По-
„елику я не нанялъ у тебя осла,
„чтобъ садиться подъ его тѣнь,
„но чтобъ съѣхать на немъ вер-
„хомъ въ Геранїю; то справед-
„ливо, чтобъ я наградилъ те-
„бѣ потерю нѣсколькихъ ми-
„нутъ, которую причинитъ
„тебѣ моя остановка; особливо
„когда оселъ еще долѣе стоять
„долженъ на жару, и чрезъ то
„не поправится. Вотъ, возьми
„полдрахмы; дай мнѣ здѣсь ми-
„нуту отдохнуть, и тогда, во
„имя всѣхъ лягушекъ, опять
отправимся въ путь„ —

„Естьлибъ зубной лѣкарь го-
ворилъ съ такимъ духомъ, тобъ
онъ говорилъ, какъ справедливой
человѣкъ, которой бережетъ
свою честь. Погоньщикъ ословъ
за полдрахмы сказалъ бы ему

еще спасибо! и городъ Абдера обошлась бы безъ той недостовѣрной славы, каковую мой противникъ обѣщаетъ ей отъ сей ослиной тяжбы, и безъ тѣхъ смятенїй, кои изъ того произойти долженствовали, какъ скоро замѣшались толь многїя знаменитыя особы обоего пола. Вмѣсто того зубной лѣкарь превращается самъ въ осла, настоя въ неограниченномъ своемъ правѣ, по силѣ наемнаго договора садиться въ тѣнь осла, сколь часто, и сколь долго ему угодно будетъ, и раздражаетъ погоньщика до того, что сей бѣжитъ стремглавъ къ городовому судьѣ, и приноситъ жалобу, которая столькожъ нелѣпа и безумна, какъ и оправданїе отвѣтчика.«

„И такъ, для показанія поучительнаго примѣра, хорошо ли бы было сдѣлано, естьлибъ стряпчему Физигнату, дорогому моему товарищу — коего одного подстреканію совершенно должно приписать то, что зуболомъ предложеннаго достопочтеннымъ городовымъ судьею справедливаго соглашенія не принялъ — за услугу, оказанную имъ чрезъ то Абдерской республикѣ, окорнать уши, и на всякой случай, для вѣчнаго воспоминанія, приставить на мѣсто ихъ пару ушей ослиныхъ; равномѣрно, какую всенародную благодарность за труды свои заслужилъ достопочтенный цеховой мастеръ Пфримъ, и прочіе Господа, по своей патріотической ревности вливавшіе въ огонь масло: сіе высокодостой-

ный Настоятель, мой препоручитель предоставляетъ собственному проницательному благоразсмотрѣнію верховнаго судилища Четырестоначальниковъ. Онъ же съ своей стороны, какъ природный властитель и судія погоньщика ословъ Антракса, не приминетъ, велѣть ему погоньщику въ заслуженную награду за его въ сей тяжбѣ доказанное безумство, не посредственно по окончаніи тяжбы, влѣпить дватцать пять палочныхъ ударовъ. Но какъ право многократно упоминаемаго ословъ погоньщика, требовать удовлетворенія, по причинѣ претерпѣнной отъ зубнаго лѣкаря Струтіона обиды, по причинѣ употребленія имъ во зло чужаго осла, и отказа въ справедливой заплатѣ за при-

чиненную чрезъ то потерю времени и за утомленіе тяглого скота, какъ оное право, говорю, остается во всей своей силѣ: то высокодостойной Настоятель желаетъ и ожидаетъ отъ правосудія сего верховнаго судилища, чтобъ его подданному, безъ дальнѣйшаго отлагательства, учинено было подобающее полное вознагражденіе и удовлетвореніе„

„Вамъ же (примолвилъ онъ, оборотясь къ народу) долженъ я именемъ Язона возвѣстить, что всѣ тѣ, кои безчиннымъ и мятежнымъ образомъ соучаствовали въ непотребномъ дѣлѣ зубольма, пока не взнесутъ за то надлежащей денежной суммы, отъ благодѣяній и щедротъ, изливаемыхъ Язоновымъ храмомъ ежемѣсячно на бѣдныхъ

гражданъ, исключены будутъ и таковыми останутся. Dixi."

ГЛАВА XV.

Движенія, произведенныя рѣчью Полифоновою. Дополненіе, сдѣланное стряпчимъ Физигнатомъ. Недоумѣніе судей.

Сія краткая и неожиданная рѣчь произвела на нѣсколько минутъ глубокое молчаніе. Хотя стряпчій Физигнатъ по видимому имѣлъ великую охоту, говорить съ жаромъ о тѣхъ выраженіяхъ, кои касались до его лица. Однако примѣтивъ робость и уныніе, кои содержаніемъ послѣдняго періода соперника его, казалось, поселены были между простымъ народомъ, удовольствовался въ разсужденіи

оскорбительнаго мѣста, гдѣ предложено, окорнать ему уши, и въ разсужденіи другихъ обидныхъ словъ, предоставить себѣ случай для отмщенія до другаго времени, и пожимая плечами молчалъ.

Объясненіе стряпчимъ *Полифономъ* подлиннаго состоянія противоположности (Status controversiæ) сопровождалось толь хорошимъ успѣхомъ, что изо всѣхъ четырехъ сотъ начальниковъ едва осталось до дватцати, кои, по Абдеритскому обычаю, не увѣряли бы другъ друга, *что они помянутое дѣло съ самаго начала такимъ признавали*; и съ довольнымъ жаромъ говорено было противъ тѣхъ, кои были причиною того, что самое простое дѣло доведено до безконечныхъ

околичностей. Большая часть членовъ предлагала, чтобъ не токмо настоятелю опредѣлить требуемое вознагражденіе и удовлетвореніе для его подчиненнаго, но и назначить коммисію изъ главнаго Совѣта, дабы розыскать по всей строгости: кто были первыми зачинщиками толь узловатой тяжбы, и кто были подустителями къ оной.

Сіе предложеніе раззадорило опять цеховаго мастера, и тѣхъ, кои взяли его сторону. Стряпчій Физигнатъ ободрясь чрезъ то, требовалъ отъ Номофилакса, чтобъ еще единожды былъ выслушанъ, поелику онъ на рѣчь своего соперника имѣетъ произнести нѣчто новое; и какъ, по правамъ, не льзя

было ему въ семъ отказать, то говорилъ онъ слѣдующее:

„Естьли справедливая довѣренность къ толь достопочтенному судилищу, каково есть настоящее, заслуживаетъ ненавистное имя ласкательства для заманки на свою сторону, которымъ соперникъ мой оную наименовать не убоялся — то я долженъ подвергнуть себя такому попреку, котораго избѣжать не могу; будучи притомъ увѣренъ, что я слишкомъ высокимъ мнѣнiемъ о васъ, великомочные Господа, меньше погрѣшаю, нежели противникъ мой гордынею, что правосудiе и прозорливость вашу уловилъ толь грубыми сѣтьми, каковы тѣ, кои вамъ поставилъ. Наружной видъ здраваго разсудка, коимъ онъ оттѣнилъ необдѣ-

данное понятіе свое о вещи, и тонъ, заимствованной имъ по видимому отъ его препоручителя, могутъ по крайней мѣрѣ поразить на минуту: но чтобъ они мудрости верховнаго Совѣта Абдерскаго могли положить камень претыканія, то съ моей стороны бояться значило бы порицаніе, а со стороны моего соперника надѣяться значило бы безумство„

„Какъ? Полифонъ, вмѣсто того чтобъ утверждать правое дѣло своего препоручителя, такъ какъ онъ предъ достопочтеннымъ городовымъ судомъ и доселѣ все еще съ упорствомъ дѣлалъ, вдругъ признается теперь самъ, что погонщикъословъ несправедливо и глупо поступилъ, основывая жалобу свою противъ зубнаго лѣкаря Стру-

тїона на мнимомъ своемъ праве въ разсужденіи тени ослиной; онъ признается всенародно, что истецъ принесъ незаконную, неосновательную и своевольную жалобу; осмеливаясь однакожъ болтать о праве вознагражденія, и въ неуступчивомъ тоне погонщика ословъ *требовать удовлетворенія*? Какой новой и неслыханной родъ законоискусства, естьлибъ неправая сторона наконецъ, не умея уже чемъ другимъ пособить себе, сама признавшись, что она не права, могла бы двадцатью пятью палочныхъ ударовъ, кои бы себе за то позволила (и кои такой мужичина, каковъ Антраксъ легко на спине своей перенести можетъ), могла бы еще пріобрести право на возмездіе и удовлетвореніе?

Положимъ также, что погрѣшность ослинаго погонщика состояла единственно въ томъ, что онъ неправильнымъ образомъ учредилъ свою прозьбу: что до того невинной противной сторонѣ или судьѣ? Первая должна съ оправданїемъ своимъ примѣняться къ жалобѣ; а послѣднїй судитъ о дѣлѣ не такъ, какъ бы оно могло показаться въ другомъ видѣ и подъ другою точкою зрѣнїя, но такъ, какъ оно ему предложено. Почему именемъ моего препоручителя ласкаюсь надеждою, что не смотря на уловки соперниковы, предлежащее дѣло разсматривано будетъ не по новому и со всѣми доселѣ бывшими судопроизводствами не согласному обороту, каковой старался дать оному Полифонъ,

но по свойству жалобы и оправданія. Рѣчь въ настоящемъ споръ идетъ не о потерѣ времени и утомленіи осла, *но объ ослиной тѣни.* Истецъ утверждалъ, что его право собственности въ разсужденіи осла простирается и на тѣнь его, и того *не доказалъ.* Отвѣтчикъ утверждалъ, что онъ столькожъ имѣетъ права на тѣнь ослю, какъ и хозяинъ, или естьлибъ сего на всякой случай нельзя было допустить, пріобрѣлъ оное посредствомъ наемнаго договора; и что онъ утверждалъ, то и *доказалъ.* „

„И такъ я предстою здѣсь, великомочные Господа! требуя судебнаго приговора на то, что доселѣ составляло предметъ спора. Для сего-то единственно назначено нынѣшнее верхов-

ное судилище! Въ семъ единственно состоитъ то дѣло, которое подлежитъ его рѣшенїю! и я осмѣливаюсь предъ лицемъ всего внемлющаго мнѣ народа сказать: что либо нѣтъ уже никакого права въ Абдерѣ, либо мое требованїе есть законное, и права каждаго гражданина содержатся въ томъ, чтобъ препоручителю опредѣлено было то, что принадлежитъ ему!„

Стряпчїй замолчалъ, судьи остолбенѣли, народъ началъ снова роптать и волноваться, и тѣни подняли вверьхъ свои головы.

Ну, сказалъ Номофилаксъ, оборотясь къ Полифону, что можетъ истцовый стряпчїй противоположить сему?

„Высокопочтенный судїя, отвѣчалъ Полифонъ, ничего —

кромѣ всего отъ слова до слова, что мною уже сказано. Тяжба о тѣни ослячей есть толь безтолковая тяжба, что не скоро рѣшена быть можетъ. Истецъ при ней погрѣшилъ, отвѣтчикъ погрѣшилъ, стряпчїе погрѣшили, судья первой расправы погрѣшилъ, вся Абдера погрѣшила! Надобно думать, что нѣкїй противный вѣтръ злобы подулъ на насъ, и что мы не въ толь здравомъ состоянїи ума находились, какъ бы желательно было. Естьлибъ вообще надлежало намъ, еще долѣе подвергать себя всесвѣтному поруганїю, то конечно не недостало у меня груди, за право моего препоручителя, въ разсужденїи тѣни осла его, говорить рѣчь, котораябъ продолжалась отъ восхожденїя солнца

до захожденія онаго. Но, какъ сказано, когда комедія, нами игранная, пока оставалась комедіею, еще извинительна, то, по мнѣнію моему, было бы отнюдъ неприлично, продолжать игру ея предъ толь достопочтеннымъ судилищемъ, каковъ верховной совѣтъ Абдерской. По крайней мѣрѣ я не имѣю къ тому никакого предписанія, почему и представляю вамъ, великомочные Господа, по повтореніи еще разъ всего того, чего я именемъ высокодостойнаго настоятеля по праву требовалъ, рѣшить и кончить тяжбу, какъ вамъ богами внушено будетъ.»

Судьи находились въ крайнемъ недоумѣніи и замѣшательствѣ; и трудно сказать, какоебъ они употребили средство, чтобъ безъ стыда вы-

путаться изъ онаго дѣла, естьлибъ случай, бывшій во всѣ времена великимъ покровительствующимъ духомъ Абдеритовъ, не вступился за нихъ, и сей тонкой и острой *гражданской драммѣ* не далъ бы такой развязки, которой за минуту предъ тѣмъ никто не ожидалъ, ниже ожидать могъ.

ГЛАВА XVI.

Нечаянная развязка всей комедіи и возстановленіе спокойствія въ Абдерѣ.

Оселъ, коего тѣнь издавна (по словамъ Архонта Онолая) произвела чудное затмѣніе въ мозговыхъ черепахъ Аблеритовъ, отведенъ былъ до вершенія дѣла въ общественную конюшню

республики, и доселѣ довольствован тамъ нужнымъ содержанiемъ.

За-подлинно сказать только можно, что онъ не сдѣлался отъ того тучнѣе.

Но сего утра конюшеннымъ приставамъ республики, кои знали, что тяжба окончиться долженствовала, вдругъ вспало на умъ; что ослу, которой представлялъ главное лице въ ономъ дѣлѣ, надобно по справедливости также имѣть свою партiю. И такъ они вычиствъ и выгладивъ его, украсили вѣнками изъ цвѣтовъ и лентами, и въ сопровожданiи безчисленнаго множества праздношатающихся побродягъ, вывели его съ великолѣпною пышностiю при громкихъ восклицанiяхъ.

Случай довелъ, что они зашли въ ближайшую улицу, къ площади ведущую, когда Полифонъ окончилъ последнюю свою рѣчь, и бѣдные судьи совсѣмъ не знали, чѣмъ уже пособить себѣ; напротивъ того народъ между страхомъ со стороны настоятеля и новою надеждою, которую стряпчїй Физигнатъ подалъ ему вторичною своею рѣчью, находился въ сомнительномъ и безпокойномъ волненїи.

Шумъ, который помянутыми шалунами поднятъ былъ вокругъ осла, обратилъ глаза каждаго туда, откуда оной происходилъ. Народъ пришедъ въ изумленїе тѣснился туда толпами.

Ба! вскричалъ наконецъ одинъ между черныю, вотъ идетъ и самъ оселъ! — Онъ вѣрно

судьямъ пособить хочетъ въ рѣшенiи, примолвилъ другой. — Проклятой оселъ, возопилъ третiй, онъ всѣхъ насъ разорилъ въ конецъ! Я хотѣлъ бы, чтобъ его волки зарѣзали, прежде нежели онъ навязалъ намъ на шею эту дьявольскую тяжбу! — Эй! вскричалъ одинъ *котельникъ*, которой всегда былъ самымъ ревностнѣйшимъ поборникомъ *тѣней: кто доброй Абдеритъ, принимайся за осла!* онъ долженъ съ нами за все расплатиться! Не оставимъ ни волосу въ паршивомъ хвосту его!

Въ ту минуту бросилась вся толпа на бѣдную скотину, и растерзала ее въ тысячу кусковъ. Каждой хотѣлъ имѣть свою долю. Дрались, кусались, царапались, тузили и таскали другъ друга за волосы съ такимъ бѣ-

шенствомъ, какому не было примѣра. Нѣкоторые остервенились до того, что участокъ свой тогдажъ сырой въ крови пожирали; многіежъ побѣжали съ тѣмъ, что унести могли, домой; и какъ за каждымъ гналась толпа, которая съ великимъ крикомъ старалась отнять у него добычу; то вся площадь въ нѣсколько минутъ опустѣла такъ, какъ въ глухую полночь.

Четыресто начальники въ первую минуту сего возмущенія, котораго тотчасъ не могли они проникнуть причины, перепугались такъ, что всѣ не зная, что дѣлали, обнажили свои кинжалы, сокрытые подъ мантіями; и въ не малое пришли удивленіе, какъ вдругъ, отъ Номофилакса до самаго послѣдняго засѣдателя, въ рукѣ

каждаго засверкали обнаженные кинжалы. Но наконецъ увидѣвъ и услышавъ о всемъ происшедшемъ, спрятали они поскорѣе ножи свои опять за пазуху, и принялись всѣ, подобно богамъ въ первой книгѣ Иліады, хохотать безъ отдыху.

Благодареніе небу, вскричалъ наконецъ смѣючись Номофилаксъ, когда достопочтенные судьи пришли опять въ чувство: со всею нашею мудростію не моглибы мы дѣлу нашему дать лучшаго оборота. Къ чему намъ теперь ломать еще долѣе головы? Оселъ, невинной поводъ къ сей безпутной тяжбѣ, учинился (какъ обыкновенно бываетъ) жертвою оной; народъ прохладилъ на немъ жаръ свой; и естьли теперь послѣдуетъ еще съ нашей

гдѣ онъ всѣхъ почтенныхъ сотоварищей своихъ пригласилъ на вечеръ къ огромному концерту, которой онъ дать имъ намѣревался по случаю возстановленнаго согласія.

Настоятель Агатирсъ не только погонщикаословъ уволилъ отъ обѣщанныхъ дватцати пяти палочныхъ ударовъ, но и сверхъ того подарилъ ему еще трехъ прекрасныхъ лошаковъ изъ собственной своей конюшни, строго запретивъ, принимать какое либо награжденіе изъ казначейства Абдерскаго. Слѣдующаго дня учредилъ онъ всѣмъ *тѣнямъ* изъ малаго и большаго Совѣта великолѣпной пиръ; а ввечеру между простыми гражданами всѣхъ цеховъ велѣлъ раздать по полудрахмѣ на человѣка, дабы выпить за здо-

ровье его и всѣхъ добрыхъ Абдеритовъ. Сею щедростію плѣнилъ онъ всѣхъ сердца по прежнему; и какъ Абдериты кромѣ того (какъ мы знаемъ) были такіе люди, коимъ ничего не стоило, изъ одной крайности перейти въ другую: то при столь благородномъ поступкѣ бывшей главы сильнѣйшей партіи не удивительно, что имена ословъ и тѣней въ непродолжительномъ времени стали совсѣмъ забыты. Абдериты смѣялись тогда сами своей глупости, какъ такой умоизступительной горячкѣ, которая, къ щастію ихъ, миновалась. Одинъ изъ ихъ стихокропателей (коихъ они имѣли весьма много и притомъ весьма худыхъ) торопился сколько можно, всю исторію переложить въ площадную пѣсню, ко-

торую тотчасъ начали пѣть по всѣмъ улицамъ; а драммати-ческой писатель *Тлапсъ* не преминулъ, чрезъ нѣсколько недѣль смастерить изъ того даже комедію, къ которой Номофилаксъ своеручно сочинилъ музыку.

Сія превосходная піеса представляема была публично съ великимъ одобреніемъ, и обѣ прежнія партіи смѣялись въ ней столь искренно, какъ будтобъ прошедшее дѣло до нихъ ни мало не касалось.

Демокритъ, которой настоятелемъ уговоренъ былъ, пойти вмѣстѣ въ сію комедію, сказалъ при выходѣ: по крайней мѣрѣ Абдеритамъ должно дозволить имѣть *то* сходство съ *Аѳинянами*, что они чистосердечно могутъ смѣяться соб-

ственнымъ своимъ глупостямъ. Хотя они не дѣлаются отъ того умнѣе: однако все уже много выиграно, когда народъ терпѣть можетъ, чтобъ честные люди забавлялись ихъ глупостями, и смѣется на ряду съ ними, вмѣсто того, чтобъ подобно обезьянамъ, питать въ себѣ за то внутреннюю злобу.

Сія комедія Абдеритская была послѣдняя, въ которую Демокритъ пошелъ въ своей жизни: ибо вскорѣ потомъ, забравъ все свое стяжаніе, выѣхалъ онъ изъ стороны Абдерской не сказавъ никому, куда; и съ сего времени нѣтъ о немъ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій.

Конецъ II Части и IV Книги.

